

Содержание

Барабаш А. С. Комплексное развитие муниципальных образований: актуальные проблемы и способы их решения	2
Журавлёва О. А. Охрана природных объектов государством (на примере Российской Федерации)	7
Кодзоева М. М. Проблема женской дискриминации в отечественной социально-правовой практике (исторический контекст)	12
Купянская С. Р. Суррогатное материнство как нарушение соматических прав ребёнка	17
Ладыгина О. В. Проблемы суррогатного материнства в российском законодательстве	21
Леер А. Д. Гражданский оборот исключительных прав	24
Морозов М. А. Революционное правосознание как источник права	27
Номогоева М. А. Некоторые проблемные вопросы, связанные с установлением ответственности за мелкое взяточничество	30
Пьянков М. О. Осмысление исторического опыта в России в сфере защиты прав и законных интересов осужденных	35
Федосеев Р. С., Ногина Ю. А. К вопросу о проблематике расследования умышленного повреждения транспортного средства	40
Фоминых А. В. Актуальные проблемы назначения многообъектных судебно-почерковедческих экспертиз и пути их решения	44
Холмогорова Г. А. Судебный следователь: реальность или миф?	47
Шилкина А. А. Категория «заведомость» в преступлениях, предусмотренных главой 18 УК РФ	51

Учредитель

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение
высшего образования
«Иркутский государственный университет»

Издатель

Юридический институт
федерального государственного
бюджетного образовательного учреждения
высшего образования
«Иркутский государственный университет»

Главный редактор

О. П. Личичан, канд. юрид. наук, доц. (г. Иркутск)

Ответственный редактор

М. Г. Тирских, канд. юрид. наук, доц. (г. Иркутск)

Ответственный секретарь

А. В. Кожевникова (г. Иркутск)

Редакционный совет:

К. С. Безик, канд. юрид. наук, доц. (г. Иркутск)
Б. Д. Дамдинов, канд. юрид. наук, доц. (г. Иркутск)
В. Н. Казарин, д-р ист. наук, проф. (г. Иркутск)
О. П. Личичан, канд. юрид. наук, доц. (г. Иркутск)
Р. В. Кравцов, канд. юрид. наук, доц. (г. Иркутск)
В. А. Смирнов, канд. юрид. наук, доц. (г. Иркутск)
М. Г. Тирских, канд. юрид. наук, доц. (г. Иркутск)

Адрес учредителя:

664003, Россия, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1
ФГБОУ ВО «ИГУ»
тел.: 8(3952) 52-19-00; факс: 8(3952) 24-22-38
e-mail: rector@isu.ru; website: isu.ru

Адрес редакции:

664082, Россия, г. Иркутск, ул. Улан-Баторская, 10
Юридический институт ИГУ
Журнал «ExLegis: правовые исследования»
тел.: 8(3952) 52-11-90; факс: 8(3952) 52-11-84
e-mail: exlegis.law.review@gmail.com
website: exlegis.ru

*Любые нарушения авторских прав
преследуются по закону*

*Перепечатка материалов журнала допускается
только по согласованию с редакцией.
Рукописи, присланные в журнал, не возвращаются*

Свидетельство о регистрации СМИ:

Эл № ФС77-65676 от 13 мая 2016 г.
Выдано Федеральной службой по надзору в сфере
связи, информационных технологий и массовых
коммуникаций (Роскомнадзор)

Выходит 4 раза в год
Издается с 2016 года

Комплексное развитие муниципальных образований: актуальные проблемы и способы их решения

© Барабаш А. С., 2017

А. С. Барабаш

студент 2-го курса, Юридический институт, Иркутский государственный университет
e-mail: barabash.andrei.sergeevich@mail.ru

Научный руководитель:

О. П. Бузько, старший преподаватель кафедры конституционного права и теории права, Юридический институт, Иркутский государственный университет; e-mail: buzko@lawinstitut.ru

Аннотация. Комплексное развитие муниципальных образований – это процесс устойчивого и систематизированного социально-экономического развития отдельно взятых территорий, который ведет к решению экономических, социальных проблем на федеральном, региональном и местном уровнях. Основная цель данного процесса – достижение высоких темпов социально-экономического развития, улучшения уровня жизни населяющих данную территорию людей. В связи с этим возникает необходимость анализа правовых актов, регулирующих данный процесс.

Ключевые слова: комплексное развитие, социально-экономический рост, муниципальное образование, нормативные правовые акты.

Изучение явления, вынесенного в заголовок статьи, было начато достаточно давно, однако проектирование комплексного развития территорий непосредственно на местный уровень ознаменовалось процессом утверждения Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 28 августа 1995 г. № 154-ФЗ. Данный акт определил комплексное социально-экономическое развитие муниципального образования (МО) как приоритетное направление роста уровня жизни населения. Из статьи 17 Федерального закона, который был принят 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ (ред. от 14 октября 2014 г.), известно, что основными полномочиями органов местного самоуправления в разрешении вопросов местного значения являются: принятие, а также организация выполнения планов, программ комплексного социально-экономического развития МО. Стоит отметить, что в компетенцию представительного органа МО входит процедура принятия программы комплексного социально-экономического развития МО, а также определение критериев оценки деятельности данного представительного органа [1, с. 89–90]. Основной целью муниципального органа является стабильное повышение качества, уровня жизни населения данного МО.

В задачи органов местного самоуправления входит управление текущими делами для достижения значимых целей и управление развитием муниципального образования. Решение этих задач возможно с применением методики руководства комплексным социально-экономическим развитием МО. Существуют программы комплексного социально-экономического развития МО, позволяющие органам государственной власти и

местного самоуправления наиболее точно выявить действительные проблемы муниципальных образований, определить стратегические направления их развития и потребности финансово-экономического и ресурсного обеспечения. Задачи органов местного самоуправления определяются обеспечением комплексного развития основных отраслей экономики и социальной сферы муниципальных образований, осуществлением своей социально-экономической политики, формированием и исполнением местных бюджетов [2, с. 37–40].

К проблеме развития муниципального образования существует два подхода. Сторонники первого полагают, что вопрос о развитии города или района как целостного социально-экономического образования является нецелесообразным в связи с тем, что развитие осуществляется самостоятельно и в нужном направлении с учетом объективных закономерностей. Существует необходимость развития инфраструктуры, способствующей решению возникающих текущих проблем. Вторые называют важным такой аспект, как определение целей и направлений развития. Цели должны быть экономическими. Вторая точка зрения представляется более правильной, так как именно в условиях целенаправленного движения существует возможность воспользоваться ресурсами и достичь максимально положительного эффекта.

В силу роста значимости уровня управления в муниципалитете органам местного самоуправления необходимо принятие правильных и обдуманных решений, касающихся социально-экономического развития МО. Важнейшим условием для обеспечения устойчивого и комплексного социально-экономического развития

МО остается увеличение базы доходов местных бюджетов и стимулирование органов местного самоуправления к росту в сфере экономического потенциала рассматриваемых территорий, а также поддержка различных форм обеспечения успешного функционирования системы государственного и муниципального управления механизмом государственно-частного партнерства как в субъектах Российской Федерации, так и в отдельных муниципальных образованиях [3, с. 114–116].

Для органов местного самоуправления важную роль играет программное определение комплексного развития инвестиционной деятельности, благодаря чему муниципалитет имеет возможность получения максимальной выгоды или улучшения положения в развитии инфраструктуры, которая обеспечивает жизнедеятельность МО.

В отношении финансового обеспечения муниципальных образований стоит отметить, что данный процесс реализуется так, чтобы органы местного самоуправления имели возможность за счет средств малых бюджетов осуществлять финансирование текущих расходов для разрешения первостепенных задач, а также заниматься формированием бюджетов развития в структуре бюджетов. Кроме того, предусматриваются муниципальные инвестиционные фонды, а также муниципальные заказы, договоры о совместной деятельности, муниципальные гарантии и инвестиции, концессионные соглашения и др. Необходимо определить приоритетные направления инвестирования в силу ограниченного числа инвестиционных ресурсов, в особенности таких ресурсов, которые находятся в распоряжении дотационных регионов.

Существует потребность в обеспечении взаимосвязи развития страны в целом, отдельных ее регионов, а также муниципальных образований. Важную роль играет связь между задачами регионального и муниципального развития, так как совершенно любой хозяйственный комплекс, который обозначен объектом регионального планирования, воплощается на отдельной территории одного из муниципальных образований [4, с. 213–216].

Следует заметить, что в целях искоренения проблем в правовом регулировании данных вопросов необходимо внести изменения в Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 6 ноября 2003 г. № 131-ФЗ [5], которые регламентировали бы:

– сущность понятий «комплексное социально-экономическое развитие муниципальных образований», «планы и программы комплексного социально-экономического развития МО», «программы развития муниципальных образований», «муниципальные долгосрочные целевые программы», «ведомственные целевые программы»;

– законные основные принципы порядка принятия и реализации определенных программ, их цели и содержание, а также полномочия представительных органов муниципальных образований и коренных администраций по утверждению и осуществлению вышеупомянутых программ;

– конструкции, с помощью которых возможно гарантирование контакта упомянутых программ с бюджетным развитием в муниципальных образованиях, а также программой социально-экономического развития Российской Федерации, программами социального и экономического прогресса субъектов Российской Федерации, федеральными и региональными целевыми программами.

Если обратиться к анализу конкретных нормативных актов, то главным образом необходимо обратить внимание на региональные и муниципальные акты. основополагающим документом является Проект стратегии социально-экономического развития Иркутской области на период до 2030 г. [6]. Данный проект предполагает проведение анализа проблем различных сфер общественной жизни путем реализации комплекса мер, направленных на повышение уровня социально-экономического развития региона в целом. Правительство Иркутской области в контексте комплексного управления реализацией стратегии:

1) определяет эффективные механизмы и способы достижения стратегических целей региона;

2) определяет объемы бюджетного финансирования различных государственных программ Иркутской области;

3) определяет меры по привлечению средств федерального бюджета, а также внебюджетных источников для финансового обеспечения потребностей муниципальных образований;

4) обеспечивает координацию, ответственное взаимодействие участников и экспертное сопровождение реализации стратегии.

Министерство экономического развития Иркутской области является уполномоченным органом по реализации стратегии, который:

1) обеспечивает процесс разработки плана реализации стратегии на долгосрочный период, его корректировку;

2) подготавливает ежегодные отчеты;

3) обеспечивает подготовку ежегодных сводных бюджетных заявок на реализацию в пределах территории Иркутской области государственных программ РФ, а также ФЦП и ФАИП.

В процесс реализации положений стратегии привлекаются региональные органы исполнительной власти, органы местного самоуправления муниципальных образований Иркутской области, научные, образовательные организации,

общественные объединения субъектов предпринимательства, коммерческие организации.

Первый этап реализации стратегии (2017–2019 гг.) ставит целью сохранение темпов экономического роста последних лет и закрепление макроэкономической стабильности к 2020 г.

Ключевые факторы роста:

1) укрепление и развитие внешнеэкономических и межрегиональных связей, в том числе за счет межрегиональной кооперации; обеспечение стабильных рынков сбыта для услуг и продукции, производимых соседними регионами; эффективное использование инновационных и научно-технических и возможностей регионов;

2) повышение эффективности расходов консолидированного бюджета;

3) создание благоприятных условий для развития субъектов малого и среднего предпринимательства;

4) участие в федеральных программно-стратегических документах, применение региональных механизмов поддержки.

Последующие этапы реализации стратегии (2020–2025 гг. и 2026–2030 гг.) будут направлены на создание условий для закрепления населения на территории региона и экономического роста.

Основные факторы роста:

1) устранение инфраструктурных ограничений;

2) обеспечение экологической безопасности;

3) повышение эффективности добычи и потребления энергии;

4) интеграция образования, науки, промышленности Иркутской области.

В этих целях предлагается использовать дополнительные инструменты.

Финансовые инструменты:

1) соглашения о социально-экономическом сотрудничестве с хозяйствующими субъектами, инвестиционные программы естественных монополий;

2) соглашения о государственно-частном партнерстве и концессионные соглашения (налоговое регулирование, долевое финансирование инвестиционных проектов, государственные гарантии областного бюджета, снижение инфраструктурных ограничений и т. д.).

На положениях вышеуказанного акта базируется стратегия социально-экономического развития г. Иркутска до 2025 г. [7], которая служит главным звеном системы социально-экономического развития города. Данный документ позволяет логически выстроить все виды социально-экономического планирования, осуществляемого на муниципальном уровне, в тесной связи с бюджетным процессом.

Инструменты реализации:

1) муниципальные долгосрочные целевые программы в рамках среднесрочных программ комплексного социально-экономического развития г. Иркутска;

2) муниципально-частное партнерство, которое позволяет использовать ресурсы бизнеса для реализации инфраструктурных проектов в сфере ЖКХ, строительства, городского транспорта;

3) привлечение займов как источников финансирования для реализации проектов развития (посредством использования банковских кредитов) и управление городским долгом;

4) реализация социальных и частных коммерческих проектов.

Предполагается создание Открытого общественного стратегического совета как коллегиального органа, включающего в свой состав представителей деловых кругов, общественности, науки, депутатов Думы г. Иркутска, представителей администрации города, представителей областных и федеральных органов власти, с целью координации действий по реализации положений стратегии.

Задачами Открытого общественного стратегического совета является:

1) рассмотрение и оценка инициативных предложений субъектов, не входящих в состав органов местного самоуправления города Иркутска;

2) взаимодействие с органами некоммерческих организаций (НКО), территориального общественного самоуправления (ТОСами), профессиональными объединениями на предмет их включения в процессы стратегирования в Иркутске.

Комитет по экономике администрации г. Иркутска от имени администрации города:

– обеспечивает согласование настоящей стратегии с другими документами планирования (документами планирования Иркутской области и Российской Федерации, программами комплексного социально-экономического развития г. Иркутска, стратегиями развития организаций и предприятий, осуществляющих свою деятельность на территории г. Иркутска);

– осуществляет координацию деятельности Открытого общественного стратегического совета.

Анализ доктринальных и нормативных источников показал, что в рамках развития городской среды г. Иркутска требуются:

– новая редакция Генерального плана г. Иркутска, соответствующая настоящей стратегии;

– программа развития улично-дорожной сети города, включающая единую транспортную схему;

– проекты комплексного развития береговых линий и прибрежных территорий;

– программа развития исторической части г. Иркутска;

– проект формирования административно-делового центра г. Иркутска;

– программа комплексного развития особо охраняемых природных территорий г. Иркутска.

Программа комплексного социально-экономического развития города Иркутска на 2013–2019 г. [8] выступает основным инструментом реализации Стратегии социально-экономического развития города Иркутска до 2025 г. Структуру ПКСЭР составляют муниципальные программы, акцентирующие внимание на ключевых направлениях и проектах развития общественной инфраструктуры, экономики, системы управления муниципалитетом, реализация которых позволит городу, преимущественно за счет собственных ресурсов, создать условия для достижения поставленных в Стратегии целей.

Достижение цели программы будет выполняться посредством реализации комплекса мероприятий, предусмотренных долгосрочными целевыми программами (ДЦП) и ведомственными целевыми программами (ВЦП), которые направлены на реализацию приоритетных направлений социально-экономического развития г. Иркутска.

Местные нормативы градостроительного проектирования г. Иркутска [9], регламентирующие подготовку объектов строительства, разработаны с целью устойчивого развития территорий г. Иркутска, сбалансированного учета социальных, экономических, экологических и иных факторов при осуществлении градостроительной деятельности в пределах территории г. Иркутска. Данные положения обязательны для государственных органов и органов местного самоуправления, юридических лиц и граждан, осуществляющих на территории г. Иркутска деятельность по территориальному планированию развития территории, разработке и согласованию проектной документации и документации по планировке территории, определению видов использования земельных участков, проектированию, строительству, реконструкции и капитальному ремонту объектов недвижимости.

Также стоит обратить внимание на Концепцию устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2020 г. [10]. Целью разработки Концепции являются определение ключевых проблем развития сельских территорий и выработка необходимых мер правового, социально-экономического и административно-управленческого характера. Эти меры позволяют вывести сельские территории на качественно новый уровень развития, обеспечивающий комплексное, сбалансированное решение социальных и экономических задач при сохранении историко-культурного и природно-ресурсного потенциала сельской местности.

Для обеспечения эффективного и действенного решения рассматриваемых вопросов на сегодняшний момент существуют затруднения в

виде неполноценности экономической базы многих муниципалитетов, недостатка механизмов продвижения органов местного самоуправления к реализации программных методов в области муниципального управления и бюджетного планирования, недоработки имеющейся правовой и методологической основы.

Трудности комплексного развития территорий муниципальных образований тесно связаны с формированием документов территориального планирования, целью которых является установление охвата территорий планируемого расположения хозяйственных объектов федерального, регионального, а также местного значения.

Подготовка проектов документации территориального планирования субъектов Российской Федерации и муниципальных образований в настоящее время осуществляется в связи с дефицитом документов территориального планирования Российской Федерации.

Обзор процесса подготовки документов территориального планирования позволил обозначить особо актуальные проблемы, которые появляются при подготовке данных документов, в их числе:

- недостатки в одобренном в необходимом порядке плане территориального планирования Российской Федерации;
- недостаток обозначенных границ в некоторых муниципальных образованиях;
- нехватка финансовых средств в местных бюджетах на подготовку документов территориального планирования;
- отсутствие процедуры и необходимых условий для облегченной процедуры передачи информации из государственных фондов, реестров и кадастров для разработки документов территориального планирования;
- удовлетворительное качество разработки документов территориального планирования.

Таким образом, потребность в принятии на федеральном уровне первоочередных эффективных мер, которые были бы ориентированы на обеспечение подготовки документов территориального планирования, реальна. В установившихся перспективах целесообразно:

- исследовать решения Правительства Российской Федерации в области стратегии пространственного развития Российской Федерации для организации положения комплексного метода к организации территории;
- установить современные основы территориально-пространственного и градостроительного планирования и развития инфраструктуры;
- сформулировать проект решения Правительства Российской Федерации о принятии перечня мероприятий по формированию схемы территориального планирования Российской Федерации;

- проанализировать практику предоставления средств в рамках субсидий из федерального бюджета и бюджетов субъектов Российской Федерации для предоставления помощи муниципальным образованиям на подготовку документов территориального планирования;

- ввести поправки в Градостроительный кодекс Российской Федерации в части регламентирования вопросов территориального планирования.

Список литературы

1. Рысаев И. Ш. Программно-стратегический подход и возможности его внедрения в муниципальном управлении / И. Ш. Рысаев // Экономика и управление. – Уфа, 2008. – № 5. – С. 89–96.
2. Кузнецова Е. М. Местное самоуправление и социальная работа: конспект лекций / Е. М. Кузнецова. – Омск : Изд-во ОмГТУ, 2010. – 60 с.
3. Кочеткова С. А. Развитие государственно-частного партнерства в регионе: организационно-правовой механизм / С. А. Кочеткова // Науч. журн. НИУ ИТМО. Сер. Экон. и экол. менеджмент. – 2015. – № 1. – С. 113–120.
4. Подпругин М. О. Устойчивое развитие региона: понятие, основные подходы и факторы // Рос. предпринимательство. – 2012. – № 24 (222). – С. 213–216.
5. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации : федер. закон от 6 окт. 2003 г. № 131-ФЗ (ред. от. 11.07.2015) // КонсультантПлюс [Электронный ресурс] : справочная правовая система.
6. Проект стратегии социально-экономического развития Иркутской области на период до 2030 г. [Электронный ресурс]. – URL: <http://irkobl.ru/region/economy/strategy/> (дата обращения 26.06.2017)
7. Стратегия социально-экономического развития города Иркутска до 2025 г. (в ред. решения Думы г. Иркутска от 05.05.2015 № 006-20-100125/5) // "Иркутск официальный", N 22, 12.05.2015
8. Программа комплексного социально-экономического развития города Иркутска на 2013–2019 гг. // Иркутск официальный. – 2012. – № 29, 24 июля.
9. Местные нормативы градостроительного проектирования г. Иркутска (утв. постановлением администрации г. Иркутска от 15 июля 2011 г. № 031-06-1287/11) // Иркутск официальный. – 2011. – № 37, 29 июля.
10. Концепция устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2020 г. (утв. распоряжением Правительства РФ от 30 нояб. 2010 г. № 2136-р) // Собр. законодательства РФ. – 2010. – 13 дек. – Ст. 6748

A. S. Barabash

2nd Year Student, Law Institute, Irkutsk State University

Complex Development of Municipalities: Current Problems and Ways of Their Decision

Abstract. complex development of municipalities is a process of the steady and systematized social and economic development of separately taken territories which conducts to the solution of economic, social problems at the federal, regional and local level. A main objective of this process – achievement of high rates of social and economic development, improvement of the standard of living of the people inhabiting this territory. In this regard there is a need for the analysis of the legal acts regulating this process.

Keywords: complex development, social and economic growth, municipality, normative legal acts.

Охрана природных объектов государством (на примере Российской Федерации)

О. А. Журавлёва

студентка 2-го курса, Юридический институт, Иркутский государственный университет;
e-mail: Olya28.zhurawlewa@yandex.ru

Научный руководитель:

И. А. Кузьмин, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права и теории права Юридический институт, Иркутский государственный университет; e-mail: graik@mail2000.ru

Аннотация. Исследуются проблемы государственной охраны окружающей среды. Рассматриваются место охраны окружающей среды в ряду функций государства, формы и методы такой охраны. Делается вывод о несовершенстве механизма охраны окружающей среды государством.

Ключевые слова: окружающая среда, загрязнение окружающей среды, природные объекты.

На сегодняшний день одной из самых актуальных проблем современности является состояние окружающей среды. Множество людей в мире страдают от загрязнения, прежде всего воды, почвы и воздуха. Эти экологические проблемы в сочетании с динамичным демографическим ростом приводят к увеличению числа людей, страдающих от болезней органов дыхания, пищеварительной системы и других, не менее серьезных заболеваний.

По данным Росстата, за прошедшие пять лет от болезней органов дыхания умерло 448 человек, болезни органов пищеварения стали причиной смерти 556 человек [11].

За последние несколько десятилетий состояние окружающей среды заметно ухудшилось, о чем свидетельствует снижение уровня воды в озерах и реках, истощение многих ресурсных источников, большое количество лесных и торфяных пожаров, уменьшение количества годового уровня осадков и многое другое. В связи с этим возникает необходимость охраны природных объектов, что требует развития специального механизма защиты, используемого в рамках экологической функции государства.

Экологическая функция относится к числу важнейших направлений государственной политики. Главное ее назначение заключается в обеспечении оптимального соотношения экологических и экономических интересов общества в целом, а также создании гарантий, необходимых для реализации и защиты права граждан на благоприятную для жизни природную среду [1].

Наличие данной функции в современных государствах подтверждается фактом существования особого рода правовых отношений – экологических. В структуре данных отношений присутствуют такие элементы, как субъекты, объекты и содержание [2]. По нашему мнению, раскрыть содержание экологической функции без уяснения элементов экологического охранительного правоотношения невозможно. Охарак-

теризуем эти элементы, в том числе с учетом российской правовой действительности.

Субъектами экологических правоотношений могут выступать практически все категории субъектов права, в том числе:

- международные организации, такие как ООН, «Гринпис», Всемирный фонд дикой природы и другие;
- публичные образования (Российская Федерация, субъекты Российской Федерации, органы местного самоуправления);
- органы государственной власти и местного самоуправления, их должностные лица (Рослесхоз, МЧС, отделы экологии местных администраций и т. д.);
- юридические лица (включая иностранных юридических лиц и организации, осуществляющие деятельность без регистрации юридического лица, осуществляющие деятельность по использованию и охране окружающей среды, экологическую экспертизу и т. д.);
- физические лица (включая иностранцев, лиц без гражданства, лиц с несколькими гражданствами, беженцев, вынужденных переселенцев и т. д.).

Объекты экологических правоотношений – это объекты экологических отношений, регулируемых нормами экологического права, а именно общественно значимые природные ценности, по поводу которых складываются и регулируются в праве общественные отношения [3].

Объектами данных правоотношений выступают:

- отдельные природные объекты, к которым относят землю, недра, поверхностные и подземные воды, леса, растительный мир вне лесов, животный мир;
- комплексные природные объекты (природные комплексы);
- антропогенные объекты (лесопарковые и водоохраные полосы);

- генетический фонд животного и растительного мира;
- атмосферный воздух, озоновый слой атмосферы и околоземное космическое пространство;
- окружающая среда в целом;
- объекты природной инфраструктуры (сигнальные вышки, лесные дороги, очистные сооружения и т. д.);
- экологическое правосознание населения;
- и другие.

Среди объектов, подлежащих особой охране, выделяются:

- объекты, включенные в Список всемирного культурного наследия и Список всемирного природного наследия ЮНЕСКО[10];
- такие природные комплексы, как государственные природные заповедники, в том числе биосферные; государственные природные заказники, памятники природы, национальные, природные и дендрологические парки, ботанические сады, лечебно-оздоровительные местности и курорты, иные природные комплексы (Национальный заповедник Херсонес Таврический, Баргузинский заповедник и т. д.);
- исконная среда обитания, места традиционного проживания и хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов РФ (Баунтовский эвенкийский муниципальный район, Качутский муниципальный район);
- объекты, имеющие особое природоохранное, научное, историко-культурное, эстетическое, рекреационное, оздоровительное и иное ценное значение;
- редкие или находящиеся под угрозой исчезновения почвы, леса и иная растительность, животные и другие организмы и места их обитания.

Экологические правоотношения включают в себя субъективные экологические права и юридические обязанности. Субъективные экологические права предоставляют участникам соответствующих правоотношений легальные возможности по защите и/или рациональному использованию природных ресурсов (право общественных объединений проводить общественную экологическую экспертизу, право собирать дикорастущие плоды, ягоды, грибы и т. д.). Юридические обязанности участников экологических правоотношений подразумевают необходимую меру поведения в тех или иных ситуациях (обязанность всех сохранять природу и окружающую среду, обязанность выполнить предписания органа экологического надзора и т. д.). Особым элементом содержания экологических правоотношений являются полномочия органов и должностных лиц, которые объединяют в себе и права, и обязанности (осуществление проверок Роспотребнадзором, проведение муниципального лесного контроля местными администрациями и т. д.) [3].

Основным элементом экологической функции государства является охрана природных объектов, предполагающих осуществление деятельности государства, направленной на сохранение и восстановление природной среды, воспроизводство природных ресурсов и окружающей среды.

В статье 1 Федерального закона «Об охране окружающей среды» от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ говорится, что окружающая среда – это совокупность компонентов природной среды, природных и природно-антропогенных объектов, а также антропогенных объектов. Как уже было замечено, «природные объекты» – достаточно объемное понятие и включает в себя как естественную экологическую систему в целом, так и природный ландшафт, и составляющие их элементы, сохранившие свои природные свойства.

Под охраной природных объектов мы предлагаем понимать деятельность федеральных органов власти, органов государственной власти субъектов Федерации, органов местного самоуправления, общественных объединений, иных юридических и физических лиц, направленную на сохранение и восстановление объектов природы, а также предотвращение опасного воздействия на них.

В связи с этим государство как субъект, осуществляющий охрану природных объектов, должно стремиться предотвращать негативные воздействия на объекты природы, предусматривая особые меры государственного принуждения (в том числе юридическую ответственность) за покушения на них. В своем Постановлении от 5 марта 2013 г. № 5-П Конституционный Суд Российской Федерации отметил следующее: «Конституционная обязанность сохранять природу и окружающую среду, бережно относиться к природным богатствам имеет всеобщий характер и, будучи частью обеспечительного механизма реализации конституционного права каждого на благоприятную окружающую среду и других экологических прав, распространяется как на граждан, так и на юридические лица, что с необходимостью предполагает и их ответственность за состояние экологии... издержки на осуществление государством мероприятий по ее восстановлению в условиях рыночной экономики должны покрываться, прежде всего, за счет субъектов хозяйственной и иной деятельности, оказывающей негативное воздействие на окружающую природную среду... Публичная власть, также несущая конституционную ответственность за сохранение природы и окружающей среды, в свою очередь, обязана принимать меры, направленные на сдерживание загрязнения окружающей среды, предупреждение и минимизацию экологических рисков».

В правовом регулировании отношений по охране окружающей среды основополагающую

роль играют положения Конституции Российской Федерации (далее – Конституция). Так, среди норм Конституции мы можем выделить нормы общего характера, имеющие важную роль с точки зрения обеспечения охраны окружающей среды, природных объектов и рационального природопользования. В части 2 ст. 36 Конституции говорится о том, что владение, пользование и распоряжение землей и другими природными ресурсами осуществляются их собственниками свободно, если это не наносит ущерба окружающей среде и не нарушает прав и законных интересов иных лиц. В статье 42 Конституции сказано, что каждый имеет право на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическим правонарушением. Статья 58 Конституции содержит в себе положения, предусматривающие обязанность граждан по охране и сохранению природы и окружающей среды, а также бережному отношению к природным богатствам. Помимо указанного, следует сказать о том, что Конституцией и иными федеральными актами установлены следующие вопросы ведения Российской Федерации в области охраны природных объектов:

- вопросы владения, пользования и распоряжения землей, недрами, водными и другими природными ресурсами;
- природопользование;
- охрана окружающей среды и обеспечение экологической безопасности;
- особо охраняемые природные территории;
- осуществление мер по борьбе с катастрофами, стихийными бедствиями, эпидемиями, ликвидация их последствий и т. д.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что на сегодняшний день государство создало определенный нормативно-правовой фундамент для обеспечения охраны природных объектов. В результате дальнейшей конкретизации положений Конституции законодательством России также запрещается хозяйственная и иная деятельность, оказывающая негативное воздействие на окружающую среду, ведущая к деградации и (или) уничтожению природных объектов, имеющих особое природоохранное, научное, историко-культурное, эстетическое, рекреационное, оздоровительное и иное ценное значение и находящихся под особой охраной, о чем говорится в Федеральном законе Российской Федерации «Об охране окружающей среды» от 10 января 2002 г. № 7.

Экологическая доктрина Российской Федерации от 31 августа 2002 г. № 1225 допускает создание и развитие особо охраняемых природных территорий, а также природных объектов. Развитие и совершенствование системы особо охраняемых природных территорий обеспечивает

выполнение Российской Федерацией международных обязательств в области охраны окружающей среды. Особо охраняемые природные объекты имеют большое значение для обеспечения биологического многообразия как основы биосферы.

Наиболее ярким примером для нашего региона, Иркутской области, является озеро Байкал. В воды озера ежегодно в результате хозяйственной деятельности происходит выброс около 409 тыс. т минеральных веществ, в том числе 27,2 тыс. т хлоридов, 162 тыс. т сульфатов, 1,5 тыс. т других сернистых соединений, 131 т метилсернистых, 193,5 т фенолов, 13,4 тыс. т нефтепродуктов [6]. Серьезность последствий, вызываемых данными выбросами, вызывает необходимость все большим площадям акватории озера Байкал придавать статус заповедных зон и территорий ограниченного доступа. Судя по объему нормативно-правового (программного) регулирования и административной системы компетентных органов, озеро Байкал является одним из самых охраняемых природных объектов России.

С учетом возрастания угроз возникновения природных катастроф и изменения природной среды в результате хозяйственной деятельности основным предназначением данных природных объектов является:

- поддержание экологической стабильности территорий, существенно измененных хозяйственной деятельностью;
- воспроизводство в естественных условиях ценных возобновляемых природных ресурсов;
- реализация эколого-просветительских программ;
- обеспечение необходимой нормативно-правовой базы регулирования данного рода отношений и т. д.

На сегодняшний день в Российской Федерации существует около 12 тыс. особо охраняемых природных объектов [4]. В систему особо охраняемых природных объектов входят:

- 102 государственных природных заповедника;
- 42 национальных парка;
- 70 государственных природных заказников федерального значения.

Охрана объектов окружающей среды может осуществляться в следующих формах.

Во-первых, проводится государственный мониторинг экологического состояния. Так, согласно ст. 63.1 Федерального закона «Об охране окружающей среды» государственный экологический мониторинг может осуществляться федеральными органами исполнительной власти, органами государственной власти в субъектах Российской Федерации посредством создания и обеспечения функционирования специализированных информационных постов и информационных ресурсов в рамках единого государствен-

ного экологического мониторинга. Необходимость проведения данного вида мониторинга обуславливается тем, что на сегодняшний день остро стоит вопрос о сохранении целостности природных объектов, предотвращении их повреждения в результате пагубного воздействия на них. Экологический мониторинг включает в себя периодические наблюдения за объектами природы и их состоянием, а также сбор, обработку и анализ информации о данных объектах. Так, например, в июне 2013 г. Научно-исследовательским центром «Планета» был проведен спутниковый мониторинг пожарной обстановки на территории Республики Саха (Якутия), в результате которого удалось выявить, что многочисленная территория данной области подверглась значительным повреждениям в результате пожаров, что, безусловно, требовало незамедлительного принятия мер [9].

Во-вторых, осуществляется государственный экологический надзор. Этот вид надзора заключается в деятельности уполномоченных на то органов, направленной на предупреждение, выявление и пресечение нарушений и требований, установленных в соответствии с международными договорами Российской Федерации, федеральными законами и иными нормативными правовыми актами в области охраны окружающей среды и природных объектов. Так, ежегодно, Росприроднадзором по г. Москве проводятся проверки исполнения выданных предписаний. Например, в период с 11 по 16 ноября 2015 г. отдел экологического надзора данного органа провёл многочисленные проверки различных организаций, таких как АО «Кавминкурортресурсы», ООО «Эклат», МУП «Жемчуг», ООО ЗМВ «Холод-розлив» и другие на предмет выполнения выданных им предписаний. В результате проверок три организации были оштрафованы и одна прекратила свою деятельность [7].

В-третьих, реализуется функция экологического просвещения граждан [5]. Всеобщее комплексное образование в экологической сфере предполагает предоставление в рамках всех ступеней образования просвещения граждан по вопросам, касающимся охраны и защиты природных объектов, а также распространение специальных знаний в рамках данного вопроса. Как правило, это осуществляется посредством использования средств массовой информации, создания специализированных музеев, библиотек, учреждений культуры, организаций спорта и туризма. Экологическое просвещение как форма охраны природных объектов включает в себя распространение экологических знаний об экологической безопасности, информации о состоянии окружающей среды, а также об использовании природных ресурсов. Так, в мае 2016 г. в Москве прошла Международная выставка-

форум «Экотех», посвященная проблемам природы и ее охраны. В рамках данной выставки обсуждались основные проблемы использования природных ресурсов, были проведены интерактивы, заслушаны доклады, посвященные этой тематике. На данную выставку были приглашены как научные деятели и ведущие эксперты в области природоохраны, так и обычное население. В данной выставке-форуме приняли участие более 1500 компаний и организаций из 50 регионов РФ, а также 20 зарубежных стран, среди которых – Германия, Китай, Дания, Финляндия, Япония и др. [8]. Также следует сказать и о федеральных государственных образовательных стандартах. Например, в ФГОС от 11 августа 2016 г. по направлению подготовки 05.03.06 «Экология и природопользование» основными объектами изучения по программе «Бакалавриат» в рамках обучения определяют природные, антропогенные, природно-хозяйственные, эколого-экономические, инженерно-экологические и другие природные.

Несмотря на многогранность форм охраны природных объектов, мы можем утверждать, что механизм охраны не совершенен, и более того, является на сегодняшний день неполноценным. При всей широте полномочий государственных органов в данной области существует ряд проблем, которые не позволяют обеспечить должное сохранение и безопасность природных объектов. Среди таких проблем мы называем:

- нарушение правовых актов, регулирующих общественные отношения связанные с выявлением, учетом, сохранением и использованием природных объектов;
- недостаток средств, выделяемых на охрану природных объектов (финансирования);
- отсутствие комплексной системы эффективных наказаний за нарушение законодательства об охране окружающей среды;
- личностное безразличное/потребительское отношение граждан к объектам природы (низкий уровень экологической культуры);
- неэффективность экологического просвещения граждан в области охраны экологии и др.

Решение данных проблем возможно только при проведении качественной полноценной работы, в процессе которой государству следует:

- усилить механизм правовой охраны природных объектов посредством усиления мер ответственности за нарушение мер, предусмотренных законодателем в области охраны природных объектов;
- обеспечить перераспределение средств государственного бюджета в сторону увеличения расходов на охрану и защиту природных объектов;
- стремиться повысить уровень экологического образования посредством проведения выверенной политики в области просвещения.

Список литературы

1. Алексеев С. С. Общая теория права / С. С. Алексеев. – М. : Юрид. лит., 1981. – Т. 1. – 360 с.
2. Боголюбов С. А. Экологическое право : учебник / С. А. Боголюбов. – М. : Юрайт, 2011. – 482 с.
3. Бринчук М. М. Экологическое право : учебник / М. М. Бринчук. – М. : Эксмо, 2010. – 108 с.
4. Сводный список особо охраняемых природных территорий Российской Федерации : справочник. – М. : ВНИИ приролы, 2006. – 364 с.
5. Масляев В. Н. Охрана окружающей среды : учеб. пособие / В. Н. Масляев. – Саранск : Референт, 2009. – 108 с.
6. Современное состояние волных ресурсов озера Байкал / Г. М. Шпейзер, А. И. Смирнов, В. А. Ролионова, Л. А. Минеева, А. А. Макаров, С. В. Фролов // Современ. наукоемкие технологии. – 2008. – № 2. – С. 96–98.
7. Информация о проведении проверок отделом экологического надзора по состоянию на 20.11.2015 [Электронный ресурс]. – URL: <http://rpn.gov.ru/node/18197> (дата обращения: 05.02.2017 г.).
8. Международная выставка-форум «ЭКОТЕХ», посвященная вопросам «зеленой» экономики и природоохранным технологиям [Электронный ресурс]. – URL: <http://greenlight-int.org/events/2016/pri-podderzhke-minprirody-rossii-sostoyalas-mezhdunarodnaya-vystavka-forum-ekotekh-posvyashchennaya/> (дата обращения: 05.02.2017 г.).
9. Мониторинг пожарной обстановки [Электронный ресурс]. – URL: http://www.meteorf.ru/press/news/3203/?phrase_id=105048 (дата обращения: 05.02.2017 г.).
10. Список объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО / Электронная энциклопедия [Электронный ресурс]. – URL: <http://megabook.ru/article/Список%20объектов%20Всемирного%20наследия%20ЮНЕСКО> (дата обращения: 15.02.2017 г.).
11. Статистика смертности по основным классам причин смерти [Электронный ресурс]. – URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/ (дата обращения: 17.02.2017 г.).

O. A. Zhuravleva

2nd Year Student, Law Institute, Irkutsk State University

Protection of Natural Objects by the State (On the Example of the Russian Federation)

Abstract. The article is devoted to the problems of state environmental protection. The place of environmental protection is considered among the functions of the state, forms and methods of such protection. A conclusion is made about the imperfection of the mechanism of environmental protection by the state.

Keywords: environment, pollution of environment, natural objects.

Проблема женской дискриминации в отечественной социально-правовой практике (исторический контекст)

© Кодзоева М. М., 2017

М. М. Кодзоева

студентка 2-го курса, Юридический институт, Иркутский государственный университет;
e-mail: kodzoeva_1998@mail.ru

Научный руководитель

И. А. Кузьмин, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права и теории права, Юридический институт, Иркутский государственный университет
e-mail: graik@mail2000.ru

Аннотация. Исследуется половая дискриминация женщин в советский период и отражение данной проблемы в трудах ученых. Рассматриваются формы дискриминации, причины ее возникновения, формы противодействия половому неравенству.

Ключевые слова: половое неравенство, дискриминация, права женщин, Россия, история.

Одной из актуальных общемировых проблем на сегодняшний день является половая дискриминация. Так, 54 государства мира по-прежнему не имеют в своих конституциях нормы о равенстве мужчин и женщин. Дискриминация женщин проявляется во многих сферах: и в политической, и в экономической, и в области СМИ, и в образовании. Согласно исследованиям, зарплата женщина в среднем на 24 % меньше зарплаты мужчины. Если говорить о дискриминации в политической сфере, то по состоянию на август 2015 г. женщины составляют лишь 22 % в парламентах своих стран. Мировая статистика показывает, что 35 % женщин подверглись физическому и/или сексуальному насилию [13].

Однако в современном мире данная проблема не осталась без внимания: миллионы женщин и мужчин встают на защиту прав и свобод женщинами наравне с мужчинами.

В связи с этим нам кажется важным проследить процесс развития правового статуса в нашем государстве, как с течением времени видоизменялись права и свободы женщин, каким было отношение к роли женщины в обществе на протяжении веков.

С момента крещения Руси в 988 г. ведущую роль в семье, как и в других сферах жизни человека, заняла христианская идеология, которая определяла мужчину как главу семейства, добытчика, а женщину как хранительницу домашнего очага. Можно говорить о том, что мужчина являлся доминантной фигурой в семье, а женщина находилась, соответственно, в его подчинении. Однако женщина обладала определенными имущественными и гражданскими правами. Так, согласно ст. 93 Пространной редакции Русской Правды муж мог оставить наследство своей жене, а она могла им распоряжаться согласно своей воле. «До выдела матери детям дела нет», – говорится в ст. 103 Русской Правды. В статье 88 Пространной редакции сказано, что человека,

убившего женщину, следует судить, как и человека, убившего мужчину. Однако вира за такое преступление в два раза меньше, чем за убийство мужчины-простолюдина, и в четыре раза меньше, чем за убийство мужчины знатного рода. Наблюдается и определенная правовая связь между поступками мужа и его жены: так, в ст. 7 Русской Правды установлено, что в случае совершения мужем умышленного убийства без вины его вместе с женой и детьми выдают на поток и конфискуют все их имущество. Такое преступление, как изнасилование, именовалось «пошибанием» и наказывалось вирой, т. е. штрафом [17].

Брачный возраст был низок и для женщины он составлял 12–13 лет. В случае заключения политического брака брачный возраст мог быть и ниже. В частности, были случаи выдачи замуж девочек «осьми лет». Вступая в брак в таком раннем возрасте, женщина обычно рожала еще до совершеннолетия, что потенциально могло не лучшим образом сказаться на ее здоровье.

Положение женщины в период Древнерусского государства характеризуется учеными по-разному. Так, одни видят русскую женщину тех времен затворницей, находящейся в полном подчинении сначала своего отца, а потом мужа, а другие, наоборот, считают, что социальная роль женщины была достаточно активна, вспоминая княгиню Ольгу, отомстившую за убийство своего мужа – князя Игоря и ставшей правительницей Русской земли [8, с. 26].

В XIII в. также встречаются имена женщин, самостоятельно управлявших княжествами. Это галицкая княгиня Анна Романова или полоцкие княгини Софья, Евфросинья и жена князя Михаила (имя ее до нас не дошло), почти столетие с 1129 г. правившие Полоцкой землей. Однако такое высокое положение этих женщин, вероятнее всего, больше связано с их знатным родом и богатством, нежели с развитием прав женщин. В противовес этой точке зрения можно сказать, что такая политическая активность женщин

наблюдалась в дохристианский период и немного позже. С ростом влияния христианства допустимая степень участия женщины в политической жизни все более и более снижалась [16].

В Средние века, в период становления Московского государства, правовой статус женщины несколько расширился. В частности, ст. 60 Судной грамоты 1487 г. закрепляла права дочери на наследование в случае отсутствия сыновей. В статье 52 Судебника 1497 г. было установлено право женщины на подачу иска, аналогичное право есть и в Судебнике 1550 г. в ст. 19. Однако некая правовая связь продолжала существовать между мужем и его женой и детьми. Так, согласно ст. 66 Судебника 1497 г., если мужчина становился холопом, то вместе с ним холопами становились и его жена, и дети [3, с. 25, 94].

Особое внимание заслуживает «Домострой», памятник русской литературы, регулировавший брачно-семейные отношения в XVI в. «Домострой» показывает полное подчиненное положение женщины перед ее мужем. В частности, там говорилось: «За всем тем и за всем порядком жена бы следила да наставляла слуг и добром и лихом: не понимает слова – поколотить», т. е. муж имел право в качестве «воспитания» жены ее поколотить. В другой части «Домостроя» говорилось: «Да всякий бы день у мужа жена спрашивала да советовалась обо всем хозяйстве, припоминая, что нужно. А в гости ходить и к себе приглашать и пересылаться только с кем разрешит муж. А коли гости зайдут, или сама где будет, сесть за столом – лучшее платье одеть, да всегда беречься жене хмельного: пьяный муж – дурно, а жена пьяна и в миру не пригожа» [14]. Можно утверждать, что данный документ главными обязанностями жены ставит заботу о хозяйстве, о детях, права женщины в семье достаточно ограничены: она должна советоваться во всем с мужем, ходить в гости только с разрешения мужа, а муж имеет право «воспитывать» свою жену.

В более поздний период становления Российской империи права женщин расширялись, во многом благодаря Петру I и его реформам. Например, Соборное уложение 1649 г. устанавливало за изнасилование женщины уже смертную казнь, однако по-прежнему жена ставилась ниже мужа. Так, за убийство мужа женой ей назначалось квалифицированная смертная казнь в виде живого закапывания женщины в землю [6, с. 94]. Брачный возраст Указом о единонаследии («О порядке наследования в движимых и недвижимых имуществях» от 23 марта 1714 г.) был определен в 17 лет для девушки и в 20 лет для мужчины. При Петре I были запрещены насильственные браки. Указом Петра Великого от 1702 г. помолвка могла быть расторгнута, если «...после сговору и обручения жених невесты взять не хочет или невеста замуж идти не хочет же, и в том быть свободе». В 1714 г. в силу вступил закон единичного наследования, который впервые давал право наследовать женщине – старшей дочери земельное имущество, если в

семье не было сыновей, остальные же женщины могли делить движимое имущество [11, с. 102].

След в истории нашего государства оставили Софья Алексеевна, которая стала регентом при своих младших братьях Петре и Иване, а также широко известная Екатерина (Алексеевна) Вторая Великая, при которой Россия стала одной из величайших европейских держав. Однако описанная ситуация с ограничением прав женщин принципиально не улучшилась (хотя доля участия женщин в политической жизни и увеличивалась, но происходил этот процесс очень медленно и в основном на уровне высших сословий).

С течением времени «женский вопрос» всё более и более начинал привлекать внимание общественности. Так, с 1845 г. женщина уже не могла быть подвергнута физическому наказанию со стороны мужа и насильно пострижена в монахини. С XIX в. женщина получила право на судебное разлучение с мужем в случае его жестокого обращения к ней. Согласно Своду законов Российской империи 1832 г. имущество жены и мужа являлось раздельным, муж не мог распоряжаться собственностью жены. Г. Ф. Шершеневич указывал: «Русское законодательство устанавливает полную раздельность имущества между супругами. Браком не составляется общности имущества супругов, каждый из них может иметь и вновь приобретать отдельную собственность» [12, с. 320]. В 1812 г. было создано первое женское «Патриотическое общество», целями которого были благотворительность и помощь людям, пострадавшим от войны. При Екатерине II появился Смольный институт, ставший первым учебным заведением для женщин в России. Во второй половине XIX в. встал вопрос о допуске женщин к лекциям в университетах [7, с. 132].

Примерно с 1860-х гг. началось активное движение за права женщин, внимание общественности направлено на решение женского вопроса. Женщины начинают бороться за свою независимость, в том числе и экономическую, за доступ к образованию и равенству при трудоустройстве. Создание в 1859 г. «Общества доставления дешевых квартир и других пособий нуждающимся жителям Санкт-Петербурга» было идеей трех женщин: М. В. Трубниковой, А. П. Философовой и В. Н. Ростовцевой. В том же году начало действовать «Общество для оказания материальной помощи беднейшему населению», инициированное М. В. Трубниковой, А. П. Философовой и Н. В. Стасовой, которые ныне именуют «феминистским триумvirатом». В 1861 г. А. П. Философова подготовила документы для открытия в столице первой женской трудовой ассоциации – «Общества женского труда», которое начало действовать с 1862 г. В 1863 г. в столице М. В. Трубникова и Н. В. Стасова учредили женскую издательскую артель. С 1864 г. в Петербурге открыл двери первый магазин женских рукоделий, принадлежавший женщине, дававший женщинам работу в качестве продавщиц, торговавший швейными ин-

струментами и готовой продукцией (при магазине была открыта и мастерская, где можно было обучиться навыкам шитья). В 1867 г. по инициативе М. В. Трубниковой, Н. В. Стасовой, Е. И. Конради и др. 100 женщин дворянского звания подписали петицию на имя ректора Петербургского университета с просьбой разрешить им посещение лекций. Одновременно в адрес Первого съезда естествоиспытателей России была подана петиция с просьбой поддержать идею основания Высших женских курсов. И ректор, и съезд выразили сочувствие женщинам, но инициативы их не поддержали.

Однако со временем вносились все больше и больше петиций, и определенные результаты были достигнуты: начинают появляться высшие женские курсы. Так, в 1869 г. начали работу Лубянские курсы в Москве, готовившие учительниц; с 1870 г. – Владимирские курсы в Петербурге (распорядительница – Н. В. Стасова), в 1872 г. – высшие медицинские курсы в Санкт-Петербурге и т. д. В 1910 г. в Томске открылись Сибирские высшие женские курсы [4, с. 3]. При этом делались попытки по направлению развития женского технического образования. Так, например, в Москве возникли «Первые женские архитектурные классы» инженера Приорова, «Женские строительные курсы», «Женские технические курсы» инженера Труханова. По данным первой Всеобщей переписи населения 28 января 1897 г., из наличного женского населения оказалось грамотных 8 250 773 женщины (13,1 %; из мужского населения – 21,1 %); из указанного числа только 528 232 женщины обучались в средних и специальных учебных заведениях, 6979 – в высших [19].

В 1885 г. при Александре III вступили в силу так называемые особые нормы охраны труда женщин, которые запрещали работать роженицам, матерям младенцев, не достигших возраста 4 недель, несовершеннолетним девушкам, а также в местах, причиняющих вред женскому организму и связанных в основном с работой с вредными веществами и переносом тяжких грузов [1, с. 86].

Достигнув своих целей, феминистическое движение поставило перед собой новые задачи: получение избирательных прав женщинами, уравнивание в правах с мужчинами. В декабре 1908 г. проходит Первый Всероссийский женский съезд. За ним последовали: Всероссийский съезд по борьбе с торгом женщинами (1910 г.) и Первый съезд по образованию женщин (1913 г.). Такая инициатива не поддерживается царским правительством. В 1914 г. стал выходить журнал «Работница», известный и в советское время; ежегодно в феврале стал проводиться Международного дня работниц (в России – с 1913 г.). Женщины, принимающие участие в съездах, стали называться «равноправками». Благодаря их усилиям в 1911 г. Дума приняла закон, позволяющий женщинам участвовать в земских волостных выборах [9, с. 175].

Хотя женщины активно вступили в общественную жизнь государства и боролись за свои права, гендерная дискриминация сохранялась: политических прав у женщин не было, и в целом правовой статус женщины был далек от правового статуса мужчин.

Значительные изменения в правовом статусе женщин произошли после свержения царского правления и захвата власти большевиками. В сентябре публикуется Постановление Временного правительства о выборах в Учредительное собрание, которые проводятся на основании всеобщего голосования и без различия пола [2, с. 236]. Советское правительство ставило своей целью уравнивание всех в правах, в том числе и женщин. В декабре того же года СНК и ВЦИК принимают декреты о браке и разводе, согласно им мужу и жене были предоставлены равные права в семье – в частности, они несли одинаковые права и обязанности в отношении своих детей, а также имущество, нажитое в браке, признавалось общим. В январе 1918 г. III Всероссийский съезд Советов утвердил Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа, которая предоставила женщинам равные политические права с мужчинами [5, с. 77, 136]. В июле того же года Конституция РСФСР закрепила аналогичные положения. Женщины окончательно получают равные права с мужчинами, в том числе наделяются как активным, так и пассивным избирательным правом. Вскоре после Октябрьской революции издается декрет об охране материнства и детства 1917 г. Советское правительство предоставляет женщинам широкие права, многие из которых не были закреплены даже в Конституциях передовых государств.

Декрет «О гражданском браке» 1918 г. признавал законным лишь брак, заключенный в государственных учреждениях, давая женщинам (впервые в Европе) право сохранять при этом девичью фамилию. Декрет 1920 г. признал право женщин на аборт.

Однако с течением времени стало наблюдаться ослабление семейных устоев, и советское законодательство решило «поддержать» русскую семью. Так, в 1936 г. был принят закон, затруднявший развод; через 8 лет разводиться разрешили вообще только через суд. В том же 1936 г. были запрещены аборты (кроме тех, которые назначались по медицинским показаниям), что обычно оценивается как поражение женщин в их репродуктивных правах [18].

В период «оттепели» процесс развода вновь был облегчен Кодексом о браке 1968 г., а аборты вновь декриминализованы в 1955 г. [17]. В 1980 г. СССР ратифицировал Конвенцию о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин от 19.12.1980 г. № 3565-X.

В 1977 г. принимается очередная Конституция СССР, которая, уравнивая права женщин и мужчин, все же отмечала основное предназначение женщины в материнстве и создании семьи. В частности, ст. 122 гласила: «Женщине в СССР

предоставляются равные права с мужчиной во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни. Возможность осуществления этих прав женщин обеспечивается предоставлением женщине равного с мужчиной права на труд, оплату труда, отдых, социальное страхование и образование, государственной охраной интересов матери и ребенка, государственной помощью многодетным и одиноким матерям, предоставлением женщине при беременности отпусков с сохранением содержания, широкой сетью родильных домов, детских яслей и садов». Женский вопрос вновь стал обсуждаемым. Поднялась волна активисток – борцов за женские права, которые занялись разрешением женского вопроса в СССР.

«Вторая волна» феминизма в России поднялась с конца 1970-х гг. Это выражалось в создании альманахов и журналов на тему «женского вопроса». В частности, например, в 1979 г. был создан альманах «Женщины и Россия», а в 1981 г. издан первый номер постоянного журнала «Мария» [1, с. 168].

В конце 1980-х гг. появляются первые женские группы. Особое внимание привлекает Комитет солдатских матерей России, правозащитная организация, созданная в 1989 г. и существующая по сей день. Результатами деятельности данных организаций стали: введение обязательного страхования военнослужащих, введение права на прохождение альтернативной гражданской службы, проведение множества гуманитарных и миротворческих кампаний [15]. Для поддержки деятельности данной правозащитной организации в 1990 г. был издан нормативный правовой акт, а именно: Указ Президента СССР «О мерах по реализации предложений Комитета солдатских матерей» от 15.11.1990 г. УП-1048.

Можно говорить о том, что, несмотря на формальное закрепление равенства мужчин и женщин, советский законодатель указывал на основную функцию женщины – создание семьи и забота о ней. Законодательство в отношении прав и возможностей женщин по некоторым важным вопросам существенно изменялось в ту или иную сторону, что свидетельствует о том, что Советское государство не столько заботилось об обеспечении равного положения мужчин и женщин в обществе, сколько ориентировалось на текущую ситуацию в государстве. В защиту данного тезиса говорит то, что во времена Советского государства женщины практически не были представлены в политике. В партийных рядах к началу 80-х было около 20 % женщин, но в руководящем эшелоне государства женщин было лишь 2,8 %, а в самом ЦК КПСС – ни одной. Схожая ситуация была и в производственной сфере, и в науке, здравоохранении, образовании: среди рядовых сотрудников женщины составляли более половины занятых, но на уровне принятия решений их было не более 5 % [10].

В заключение можно провести анализ положения женщины в русском обществе на разных этапах развития нашего государства. Сравнивая права женщин на современном этапе и в период Древней Руси, Московского государства, Российского царства, Российской империи, мы можем сделать вывод, что положение женщины однозначно изменилось в лучшую сторону. Так, например, в настоящее время женщины имеют право на получение высшего образования, законодательно запрещена дискриминация по половому признаку, женщины стали более независимы. В отличие от положений «Домостроя», по нынешним нормам муж не имеет права наказывать жену и может понести юридическую ответственность за свои действия.

Если сравнить период СССР с современным, заметим, что на уровне конституций равенство прав женщин и мужчин признается и гарантируется. При этом и сейчас, и в период Советского государства в общественном сознании женщина является в первую очередь матерью и женой. При этом положение современной российской женщины существенно лучше, чем советской. В настоящее время около 14 % депутатов Государственной Думы – женщины, в то время как в ЦК КПСС, как было отмечено выше, не было ни одной женщины.

На основе изложенного мы пришли к следующим выводам:

1) становление женских прав и закрепление равенства мужчины и женщины прошло в своем развитии несколько этапов;

2) с принятием христианства в государстве постепенно начинает господствовать патриархальная идеология, которая видит женщину лишь в роли жены и матери (на этом этапе развития женщина практически не имеет никаких прав и находится в подчинении сначала у отца, а потом у мужа);

3) постепенно встает «женский вопрос», запрещаются насильственные браки, повышается брачный возраст, при этом женщины по-прежнему не имеют права на профессиональное образование, они не участвуют в общественной и политической жизни государства;

4) примерно с середины XIX в. начинается активная борьба за права женщин, создаются Высшие женские курсы, иные женские общественные общества (политических прав женщин по-прежнему лишены);

5) с приходом к власти большевиков ситуация существенно меняется: женщины признаются равными мужчинам в правах, закрепляется женское активное и пассивное избирательное право, однако, как и прежде, главное предназначение женщины видится даже на законодательном уровне в материнстве и в создании семьи, в высших руководящих рядах советского государства женщины фактически не представлены;

6) на наш взгляд, несмотря на то что права женщины в России достаточно долгое время игнорировались, к концу XIX в. женщины-

активистки смогли обратить внимание общественности на «женский вопрос», и именно с этого периода начинается активное изменение положения женщины в обществе;

7) современный этап развития российского общества (с точки зрения преодоления половой дискриминации) однозначно характеризуется положительно, но говорить о полном разрешении данной проблемы нельзя.

Список литературы

1. Айвазова С. Г. Русские женщины в лабиринте равноправия / С. Г. Айвазова. – М.: РИК Русанова, 1998. – 193 с.
2. Валк С. Н. Декреты Советской власти: в 11 т. / С. Н. Валк. – М.: Гос. изд-во полит. лит., 1957. – Т. 1. 25 окт. 1917 г. – 16 марта 1918 г. – 624 с.
3. Греков Б. Л. Суленики XV–XVI вв. / Б. Л. Греков. – М.: Л-АН СССР, 1952. – 640 с.
4. Кащенко Н. Ф. Сибирские высшие женские курсы. их положение, нужды и надежды / Н. Ф. Кащенко. – Томск: Типолит. Сиб. товарищества печат. дела, 1912. – 12 с.
5. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. 2. 1925–1953 / кол. авторов: сб. док. – 7-е изд. – М.: Госполитиздат, 1953. – 1204 с.
6. Кудинов О. А. История отечественного государства и права: учеб. пособие / О. А. Кудинов. – М.: МЭСИ, 2004. – 273 с.
7. Озерская Ф. С. Женское образование / Ф. С. Озерская. – М.: Педагогика, 1973. – 342 с.
8. Орлов А. С. История России: учебник / А. С. Орлов. – 4-е изд., пераб. и доп. – М.: Проспект, 2011. – 528 с.
9. Пушкарева Н. Л. Феминизм в России: формы женской социальной активности / Н. Л. Пушкарева. – Калуга: Политоп, 2001. – 286 с.
10. Пушкарева Н. Л. У истоков русского феминизма: сходства и отличия России и Запада // Рос. женщины и европ. культура. – 2002. – № 15. – С. 23–39.
11. Чистяков О. И. История отечественного государства и права: в 2 ч. / О. И. Чистяков. – М.: БЕК, 1996. – Ч. 1. – 368 с.
12. Шершеневич Г. Ф. Курс гражданского права / Г. Ф. Шершеневич. – Тула: Автограф, 2001. – 720 с.
13. SDG 5: Achieve gender equality and empower all women and girls [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.unwomen.org/en/news/in-focus/women-and-the-sdgs/sdg-5-gender-equality#notes> (дата обращения: 12.03.2017 г.).
14. Домострой в современном переводе [Электронный ресурс]. – URL: <http://lib.rosdiplom.ru/library/prosmotr.aspx?id=125589> (дата обращения: 04.03.2017 г.).
15. Из истории КМС России [Электронный ресурс]. – URL: <http://ksmrus.ru/text/iz-istorii-ksm-rossii/> (дата обращения: 11.03.2017 г.).
16. Какими были древнерусские женщины [Электронный ресурс]. – URL: http://galinarus.liferus.ru/talk_about4.htm (дата обращения: 04.03.2017 г.).
17. Русский закон [Электронный ресурс]. – URL: http://his95.narod.ru/rus_pr2.htm (дата обращения: 08.03.2017 г.).
18. Феминизм в России [Электронный ресурс]. – URL: http://www.krugosvet.ru/enc/istoriya/FEMINIZM_V_ROSSII.html?nave=0.5 (дата обращения: 07.03.2017 г.).
19. Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. Женское образование [Электронный ресурс]. – URL: https://ru.wikisource.org/wiki/ЭСБЕ/Женское_образование (дата обращения: 12.03.2017 г.).

M. M. Kodzoeva

2nd Year Student, Law Institute, Irkutsk State University

The Problem of Women's Discrimination in Domestic Social and Legal Practice (Historical Context)

Abstract. The article is devoted to the analysis of gender discrimination of women in the Soviet period and the reflection of this problem in the works of scientists. The forms of discrimination, the causes of its origin, forms of counteracting gender inequality are investigated.

Keywords: gender inequality, discrimination, women's rights, Russia, history.

Суррогатное материнство как нарушение соматических прав ребенка

© Купянская С. Р., 2017

С. Р. Купянская

студентка 2-го курса, Юридический институт, Иркутский государственный университет
e-mail: myvanityfair@mail.ru

Научный руководитель:

Р. Ю. Хертуев, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права и теории права, Юридический институт, Иркутский государственный университет
e-mail: gommmaa@list.ru

Аннотация. Рассматривается проблема суррогатного материнства, альтернативы суррогатному материнству в современном мире, приводятся примеры негативного опыта суррогатного материнства.

Ключевые слова: соматические права, суррогатное материнство, право и этика, конституционные права.

Известно, что в науке конституционного права существуют поколения прав человека, под которыми понимают основные этапы их развития, связанные с формированием представлений о содержании прав, а также изменением механизмов обеспечения последних. В настоящее время можно выделить четыре поколения таковых.

Первым поколением традиционно признаются гражданские и политические права, завоеванные в результате буржуазных революций в Европе и Америке в XVIII в., затем конкретизированные в практике и законодательстве демократических государств. Речь идет о личных (гражданских) и политических правах, которые отражают так называемую негативную свободу – обязывают государство воздерживаться от вмешательства в сферу личной свободы и создавать условия участия граждан в политической жизни.

Следующим поколением прав принято считать социально-экономические права, получившие своё признание в конце XVIII – первой половине XIX в. Огромная заслуга в признании прав второго поколения принадлежит СССР. Так, в Конституции СССР 1936 г. был закреплен широкий набор прав второго поколения – право на труд, отдых, образование, социальное обеспечение, медицинскую помощь. Даже несмотря на то что социальная защищенность гражданина в СССР была минимальной, документально она существовала и этим воздействовала на мировое сообщество. В результате права второго поколения сначала нашли свое отражение во Всеобщей декларации прав человека в 1948 г., а затем были закреплены в Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах в 1966 г. Вместе с тем следует отметить, что эти права имеют более относительный характер, нежели права первого поколения. Международное сообщество не предъявляет каких-либо жестких критериев к осуществлению этих прав. Так, согласно ст. 2 Международного пакта об

экономических, социальных и культурных правах «каждое участвующее в настоящем Пакте государство обязуется принять... в максимальных пределах имеющихся ресурсов меры к тому, чтобы обеспечить постепенно полное осуществление признаваемых в настоящем Пакте прав всеми надлежащими способами, включая, в частности, принятие законодательных мер».

Третье поколение прав человека стало развиваться после Второй мировой войны, влияние которой и привело к созданию группы неоднородных прав человека. Иначе их можно назвать «интернациональными правами», так как они не закрепляют права граждан конкретно внутри государства, а происходят из таких основополагающих принципов современного общежития, как, например, солидарность и демократизм по отношению ко всем общностям: культурам, религиям, расам и национальностям.

Четвертое поколение прав появилось совсем недавно – в конце XX – начале XXI в. Это уже права не отдельно взятого человека, гражданина или общности, а так называемые права человечества: право на мир, на ядерную безопасность, космос, экологические, информационные права, запрет пыток и бесчеловечного обращения, права на творчество, право выбора, свобода совести и вероисповедания, право на духовное образование и воспитание и другие. Иными словами, это духовно-нравственные права и свободы человека и гражданина, которые провозгласили и провозглашают духовные и моральные ценности личности и, как следствие, всего человечества в целом.

Как видно из всего вышеуказанного, права человека сегодня существенно расширились на законодательном уровне по сравнению с еще относительно недавним периодом. Однако стремительное узаконивание все различных видов прав привело к возникновению новой разновидности прав человека – соматических прав. Можно ли выделить данные права в отдельное, пятое поко-

ление прав или стоит включать его в четвертое – на данный момент неизвестно, поскольку до сих пор некоторые учёные придерживаются мнения о всего лишь трёх поколениях прав. Но так или иначе, данные права приобретают всю большую известность, а значит, нельзя говорить и о том, что они не могут составлять пятое поколение новейших прав человека.

Итак, соматические права по своей сущности – это личностные права на распоряжение своим телом по своему усмотрению (от греч. *soma* – тело). В общем выделяется семь видов таких прав:

- 1) право на жизнь и смерть;
- 2) право распоряжаться своими органами и тканями;
- 3) право на клонирование частей тела или же всего тела;
- 4) сексуальные права человека (возможность искать, получать и передавать информацию, касающуюся сексуальности, сексуальное образование, выбор партнера, возможность решать, быть человеку сексуально активным или нет, самостоятельно решать вопрос о добровольных сексуальных контактах, вступлении в брак; право на легализацию проституции; оборот порнографической продукции и правовое регулирование положения сексуальных меньшинств);
- 5) репродуктивные права человека (позитивного характера: искусственное оплодотворение; негативного характера: аборт, стерилизация, контрацепция);
- 6) право на перемену пола (возможность неоднократной перемены);
- 7) право на употребление наркотиков и психотропных веществ [1].

Представляется возможным говорить о том, что как минимум половина из перечисленного нарушает права ребенка, возможно еще на стадии беременности, поскольку несут угрозу его жизни и здоровью. В частности, речь идёт о суррогатном материнстве, которое изначально нарушает его права в отношении «распоряжения» собой непосредственно. Имеется в виду то, что ребенку придается некий статус вещи, что, конечно же, противоречит всем остальным правам – как соматическим, так и другим поколениям прав, касающихся личности непосредственно и говорящих о гуманном поведении людей, цивилизованности их поступков.

Русская православная церковь в «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви» от 2000 г. изложила своё отношение к суррогатному материнству: «Суррогатное материнство», то есть вынашивание оплодотворенной яйцеклетки женщиной, которая после родов возвращает ребенка «заказчикам», противостоит и морально недопустимо даже в тех случаях, когда осуществляется на некоммерческой основе. Эта методика предполагает разрушение

глубокой эмоциональной и духовной близости, устанавливающейся между матерью и младенцем уже во время беременности.

«Суррогатное материнство» травмирует как вынашивающую женщину, материнские чувства которой попираются, так и дитя, которое впоследствии может испытывать кризис самосознания. Нравственно недопустимыми с православной точки зрения являются также все разновидности экстракорпорального (внетелесного) оплодотворения, предполагающие заготовление, консервацию и намеренное разрушение «избыточных» эмбрионов. Именно на признании человеческого достоинства даже за эмбрионом основана моральная оценка аборта, осуждаемого Церковью» [2].

В середине 2015 г. в Калифорнии родились близнецы. Их родила суррогатная мать по просьбе молодой гей-пары из Милана. В Италии суррогатное материнство запрещено – как и усыновление детей однополыми родителями. Когда отцы привезли близнецов в Милан, выяснилось, что зарегистрировать детей они не могут. Пара обратилась в суд, который постановил, что дети, хоть и являются близнецами, по итальянским законам не могут считаться братьями.

Италия – одна из самых консервативных стран в Европе с точки зрения законодательства в области репродуктивных прав. Здесь запрещено суррогатное материнство и даже искусственное оплодотворение возможно только для разнополых пар, состоящих в зарегистрированном браке, и только при условии, что каждый из супругов предоставит собственную сперму и яйцеклетку, – донорство запрещено.

В этих условиях многие итальянцы ищут суррогатных матерей в других странах – чаще всего в США, Канаде, на Украине. А когда младенцев привозят в Италию, начинаются проблемы. Если есть основания полагать, что суррогатная мать живет в неблагополучной стране, где ее права могут нарушаться, итальянский закон позволяет отнять у родителей ребенка, рожденного суррогатной матерью, и отдать на усыновление. Первоначально иск упомянутой выше пары судья отклонил, но после апелляции он был частично удовлетворен. Суд постановил, что каждый из родителей может зарегистрировать детей как своих биологических сыновей. При этом они не могут считаться их общими детьми. Следовательно, они не могут считаться братьями.

На суд не повлияли никакие доводы – включая тот, что оба родились от одной матери. Право отцовства суд признал за обоими мужчинами потому, что оба предоставили для оплодотворения свою сперму. Однако если один из отцов регистрирует кого-то из близнецов как своего биологического ребенка, второй не сможет его усыновить – усыновление разрешено только разнополым парам [3].

Данный пример демонстрирует то, что проблема суррогатного материнства – всемирная проблема, и тенденция такова, что все больше страны либо ужесточают данную сферу отношений, либо полностью отходят от неё. Российская Федерация не является исключением.

В конце марта 2017 г. появилась новость о том, что в России могут запретить суррогатное материнство. Депутаты Госдумы РФ считают, что права биологических родителей недостаточно защищены. В последнее время было много скандалов, связанных с отказом суррогатных матерей отдавать ребенка. Отправной точкой для рассмотрения законопроекта послужил случай, произошедший в Санкт-Петербурге. Суррогатная мать вынашивала двойню. До седьмого месяца все шло хорошо – наблюдение у специалистов, развитие плодов, а затем её не устроил гонорар за многоплодную беременность (150 тыс. руб., прописанных в договоре). Она потребовала еще 750 тыс.: столько же, сколько за одного ребенка. Итого – полтора миллиона вместо 900 тыс.

Следуя своим планам, роженица развелась с мужем за две недели до родов, чтобы затем встать в очередь на получение квартиры от государства как многодетная мать-одиночка (у женщины уже было двое своих детей).

Месяц новорожденные находились в реанимации из-за преждевременных родов, в это время в женщине проснулся материнский инстинкт, она решила ребенка оставить себе. Тогда против нее возбудили уголовное дело по ст. 159 (мошенничество) [4].

Столь подробные примеры таких казусных случаев позволяют говорить о следующем.

Во-первых, в соответствии со ст. 7 Конвенции о правах ребенка «ребёнок регистрируется сразу же после рождения и с момента рождения имеет право на имя и на приобретение гражданства, а также, насколько это возможно, право знать своих родителей и право на их заботу». Как видно даже из первого приведенного нами примера, зачастую, имея дело с суррогатным материнством, можно говорить о нарушении указанной статьи, частично или полностью [5].

Во-вторых, многие называют мифом утверждение о том, что суррогатное материнство – последняя возможность для российских семей, не способных родить ребёнка самостоятельно. Сегодня в России, по некоторым данным, затруднения с наступлением беременности испытывают около 10 % семейных пар. При этом к процедуре экстракорпорального оплодотворения (ЭКО) обращается не более 0,5 % этих пар. То есть одна пара из двухсот. При этом что процедура ЭКО в несколько раз дешевле процедуры суррогатного материнства. Страны, являющиеся

лидерами в области медицины, применяют успешно данную процедуру. Тем не менее российских пар, прибегающих к процедуре суррогатного материнства, гораздо больше, чем тех, кто решается на ЭКО. Возможно, стоит просвещать граждан о процедуре ЭКО для снижения случаев суррогатного материнства и всех его возможных последствий [6].

В-третьих, необходимо продумать механизм реализации законодательства в этой области. По закону право на воспитание ребенка принадлежит той женщине, которая его выносила. При суррогатном материнстве мать должна написать отказ от ребенка, и тогда он передается родителям. Если суррогатная мать захочет оставить малыша себе, она имеет на это полное право. А если отказались сами родители-доноры, то по закону они не имеют никакой правовой связи с ребенком. Затем доказать эту связь можно, только клинически подтвердив свое родство, но в большинстве случаев это не представляется возможным на практике, поскольку изначально уже не только биологическая, но и любая связь с ребенком вообще теряется [7].

Итак, какими бы словами о высоком значении материнства ни прикрывалась технология суррогатного материнства, она остается коммерческой услугой, то есть услугой, которая оказывается за деньги и ради денег. А под товаром подразумевается набор услуг и сам ребенок. В этом процессе человеческая жизнь и сам человек становятся предметом торговли. Спрос рождает предложение, и предложение рождает спрос. В этой схеме нет места этике, человеческим взаимоотношениям, ценности и неповторимости жизни. Есть вещи, которые нельзя продавать и покупать. Всё это противоречит всем указанным выше поколениям прав, а иными словами – ценностям, созданным обществом для общества. Если общество переступает эту черту, то оно становится другим – обществом, где можно купить человеческую жизнь. Нельзя не увидеть аналогии с рабовладельческим строем в США и крепостным правом в России. По сути, появилась новая форма торговли своим телом, аналогичная проституции, которая глубоко унижает не только достоинство женщины, но и в первую очередь права самого ребенка. Мы не знаем, к каким злоупотреблениям может прийти эта индустрия, для которой нет никаких нравственных преград. Но понятно точно, что, нарушая с самого начала соматические – самые неотъемлемые – права ребенка, нельзя говорить и о существовании других видов прав как таковых, а значит, и о цивилизованном обществе в целом.

Список литературы

1. Лаврик М. А. К теории соматических прав человека // Сиб. юрид. вестн. – 2005. – № 3. – С. 16–26.

2. Основы социальной концепции Русской православной церкви // Рос. православ. церковь. – 2000.
 3. South China Morning Post [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.scmp.com/news/world/europe/article/2060500/tangled-italian-surrogacy-ruling-gay-couple-gets-one-twin-each-and> (дата обращения: 02.04.2017).
 4. Комсомольская правда [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.irk.kp.ru/daily/26621/3638951/> (дата обращения: 02.04.2017).
 5. Конвенция о правах ребенка : вступила в силу для СССР 15 сент. 1990 г. (ратифицирована Постановлением ВС СССР от 13.06.1990 № 1559-1) // Ведомости Съезда НД СССР и ВС СССР. – 1990. – № 4. – Ст. 955.
 6. О лечении бесплодия и ЭКО [Электронный ресурс]. – URL: <http://ekomed.info/eko/kakova-statistika-protokolov-eko.html#i> (дата обращения: 02.04.2017).
 7. Суррогатное материнство [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/law/podbor-ki/surrogatnoe_materinstvo/ (дата обращения: 02.04.2017).
-

S. R. Kupyanskaya

2nd Year Student, Law Institute, Irkutsk State University

Surrogate Motherhood as a Violation of the Somatic Rights of the Child

Abstract. In this scientific work the problem of surrogate motherhood, alternatives to surrogate motherhood in the modern world, examples of negative experience of surrogate motherhood, as well as the results and conclusions are considered.

Keywords: somatic rights, surrogate motherhood, law and ethics, constitutional rights.

Проблемы суррогатного материнства в российском законодательстве

© Ладыгина О. В., 2017

О. В. Ладыгина

студентка 2-го курса, Юридический институт, Иркутский государственный университет
e-mail: O_lad2009@mail.ru

Научный руководитель:

Р. Ю. Хертуев, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права и теории права, Юридический институт, Иркутский государственный университет
e-mail: rommmaa@list.ru

Аннотация. Рассматриваются проблемы суррогатного материнства в рамках российского законодательства. Отмечается противоречивое отношение общества к данному вопросу. Анализируются способы устранения недостатков в механизме регулирования данных отношений.

Ключевые слова: суррогатное материнство, суррогатная мать, генетические родители.

В начале 2015 г. Патриарх Московский и всея Руси Кирилл, выступая в Госдуме в рамках XXIII Рождественских чтений, высказал свое мнение по поводу суррогатного материнства: «Нравственное сознание не может примириться с разрешением суррогатного материнства». Бездетным парам глава РПЦ тогда рекомендовал задуматься об усыновлении.

На сегодняшний день проблемы с экологией, неправильным образом жизни привели к тому, что число лиц, неспособных к деторождению, растет с каждым годом. Благодаря научному прогрессу были созданы вспомогательные репродуктивные технологии (далее ВРТ), которые дают надежду людям, не имеющим возможность самостоятельно зачать и выносить ребенка.

По данным Департамента медицинской помощи детям и службы родовспоможения Министерства здравоохранения РФ, бесплодные пары составляют 17 % от всех брачных пар, т. е. около 6 млн супружеских пар бесплодны, из них 3 млн нуждаются в ВРТ. По статистическим данным, с помощью ВРТ родилось уже более 3 млн детей [1].

Однако отношение в обществе к применению технологии ВРТ неоднозначно. Ее сторонники считают, что суррогатное материнство дает шанс тем семьям, которые уже совсем отчаялись сами завести ребенка. Противники полагают, что суррогатное материнство превращает детей в товар, а материнство становится оплачиваемой работой [2, с. 143].

В большинстве зарубежных стран применение суррогатного материнства запрещается или ограничивается:

1) в некоторых государствах, таких как Франция, Германия [3, с. 30], Австрия, Норвегия, Швеция, оно запрещено полностью;

2) в другой группе государств разрешено лишь некоммерческое суррогатное материнство. Это Австралия, Великобритания, Канада, Израиль. В Великобритании допускается лишь не-

коммерческое суррогатное материнство, когда генетические родители берут на себя оплату всех текущих расходов суррогатной матери;

3) в третью группу входят те страны, в которых суррогатное материнство, в том числе и коммерческое, законодательно разрешено. Это Россия, США (большинство штатов), Южно-Африканская Республика, Украина, Казахстан и ряд других. Так, в США суррогатное материнство было разрешено еще в 1991 г., хотя в штатах Аризона, Мичиган, Нью-Джерси оно запрещено до сих пор [4, с. 30]. Как мы видим, зарубежные страны не пришли к единому решению по данному вопросу.

В настоящее время в России правовое регулирование суррогатного материнства осуществляется Федеральным законом «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ, Семейным кодексом РФ (например, п. 4 ст. 51 и п. 3 ст. 52), п. 5 ст. 16 Федерального закона от 15 ноября 1997 г. № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния».

В российском законодательстве понятие суррогатного материнства закреплено в ст. 55 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», согласно которой суррогатное материнство представляет собой вынашивание и рождение ребенка (в том числе преждевременные роды) по договору, заключаемому между суррогатной матерью (женщиной, вынашивающей плод после переноса донорского эмбриона) и потенциальными родителями, чьи половые клетки использовались для оплодотворения, либо одинокой женщиной, для которых вынашивание и рождение ребенка невозможно по медицинским показаниям [5].

Само определение закладывает ограничение на применение суррогатного материнства, поскольку, например, семейная пара, в которой у одного из супругов отсутствуют половые клетки,

с правовой точки зрения не может заключить такой договор. Кроме того, закон предъявляет определенные требования к женщине, желающей стать суррогатной матерью: возраст от 20 до 35 лет, наличие не менее одного здорового собственного ребенка, удовлетворительное состояние здоровья, согласие на медицинское вмешательство, письменное согласие супруга (если она находится в браке), а также запрет на донорство своей яйцеклетки. Следовательно, у суррогатной матери предполагается полное отсутствие генетической связи с будущим ребенком.

Также одной из проблем остается возможность использования метода суррогатного материнства одинокими мужчинами. На сегодняшний день в соответствии с Приказом Министерства здравоохранения РФ от 30 августа 2012 г. № 107 в программе суррогатного материнства может участвовать только супружеская пара и одинокая женщина [6].

Из этого следует, что отказ мужчинам в реализации их законного права на отцовство был бы явным нарушением сразу нескольких статей Конституции РФ, а именно: ст. 7 (так как в России обеспечивается государственная поддержка как материнства, так и отцовства), ч. 2 ст. 19 (равенство прав и свобод независимо от пола, расы, национальности), ч. 3 ст. 19 (равноправие мужчин и женщин) и ст. 55 (о недопустимости законов, ущемляющих права человека) [7].

В августе 2010 г. Бабушкинский суд г. Москвы вынес первое прецедентное для России решение обязать районный ЗАГС зарегистрировать ребенка, родившегося по программе гестационного суррогатного материнства с донорскими ооцитами для одинокого мужчины. В результате было получено первое в стране свидетельство о рождении «суррогатного» ребенка у одинокого мужчины с прочерком в графе «мать». В этом ставшем знаковым для страны решении суд установил, что в российском законодательстве отсутствуют какие-либо запреты или ограничения относительно возможности для женщины или для мужчины, не состоящих в браке, реализовать себя как мать или отец с применением методов искусственной репродукции.

В дальнейшем судами был вынесен ряд подобных решений по аналогичным делам с участием «одиноких» родителей. Целесообразно привести цитату решения Смольнинского районного суда г. Санкт-Петербурга по иску одинокого петербуржца, которому ЗАГС отказал в регистрации его «суррогатной» двойни. Причиной отказа стало семейное положение истца – то, что он не состоял и не состоит в зарегистрированном браке. Со ссылкой на ч. 3 ст. 19 Конституции РФ суд указал, что «действующее законодательство исходит из равенства прав женщин и мужчин. Не является исключением и право одиноких мужчин на рождение детей, создание семьи, в которую будут входить только дети и их отец».

В судебном процессе было установлено, что «действующее законодательство не содержит запрета на регистрацию рождения ребенка, рожденного в результате имплантации эмбриона другой женщине в целях его вынашивания, одинокой матерью или отцом данного ребенка». Суд принял решение, что отказ в регистрации рождения ребенка не основан на законе и нарушает права и законные интересы не только истца, но и его новорожденных детей [8].

Поэтому, по нашему мнению, для исключения дискриминации необходимо внести соответствующие дополнения в Федеральный закон № 323-ФЗ, которые закрепляли бы право одинокого мужчины на доступ ко всем методам ВРТ.

Наблюдается противоречие в действующем законодательстве: Семейным кодексом Российской Федерации за суррогатной матерью сохраняется право оставить себе ребенка, а согласно Федеральному закону «Об основах охраны здоровья граждан в РФ», такого права у матери нет.

В начале 2010 г. Зинаида Ракова, жительница Ульяновской области, заключала договор с генетическими родителями из Тульской области. Через какое-то время между суррогатной матерью и заказчиками произошел конфликт. Когда ребенок родился, женщина зарегистрировала в ЗАГСе ребенка на себя. Разразился скандал. Генетические родители обращались в различные инстанции с целью добиться регистрации ребенка как своего. Ульяновский городской суд вынес решение в пользу суррогатной матери, по которому ребенок оставался при ней.

Еще одной проблемой является коммерческая составляющая данной проблемы. Многие считают, что суррогатное материнство должно осуществляться на безвозмездной основе, как в некоторых странах Европы, иначе коммерческое суррогатное материнство можно приравнять к торговле людьми. Но, как правило, женщины соглашаются на суррогатное материнство из-за трудных жизненных ситуаций, дабы улучшить свое материальное положение. Поэтому большую часть суррогатных матерей составляют представительницы из бедных слоев населения. Женщина, которая предоставляет «свои услуги», получает плату, причем не всегда адекватную.

27 марта 2017 г. Антоном Беляковым в Госдуму был внесен законопроект о запрете суррогатного материнства. Суррогатное материнство, сообщает Беляков, «является грубейшим нарушением прав ребенка, прежде всего – на личную и семейную идентичность и связанное с таковой специфическое общение с родной матерью». Автор законопроекта, ссылаясь на «многочисленные научные исследования», утверждает, что «ребенок в младенческом возрасте имеет устойчивую психофизиологическую связь со своей матерью, которая этого ребенка выносила и родила». Прерывание такой связи, уверяет Беля-

ков, влечет существенный стресс для дитя и иные отрицательные для него последствия.

На наш взгляд, если данный законопроект будет одобрен, то запрет суррогатного материнства как эффективного метода борьбы с бесплодием может привести к негативным последствиям. На сегодняшний день, по статистике, 8 % разводов происходит из-за того, что супруги не могут иметь детей по различным причинам. Запрет суррогатного материнства может привести к увеличению разводов по данной причине. Также такой запрет может сказаться на демографических показателях в нашей стране.

Основопологающей причиной применения суррогатного материнства является то, что, несмотря на дороговизну и сложности с морально-этической и юридической стороны, этот метод востребован у бесплодных пар. Для многих из них рождение генетически своего ребенка, пусть и выношенного другой женщиной, является более желанным, нежели усыновление совершенно чужого малыша.

Хотя последний способ планирования семьи является более гуманным и единственно приемлемым с точки зрения церкви, вряд ли можно

однозначно осуждать супругов, решивших прибегнуть к услугам суррогатной матери.

Большого положительного эффекта можно достичь с помощью принятия Федерального закона, который бы защищал права суррогатной матери и биологических родителей, так как в настоящее время они никак не защищены. При этом совершенно очевидно, что для суррогатной матери существует целый ряд рисков, прежде всего угроза физическому и психическому здоровью. В законе должны быть определены права и обязанности сторон (суррогатной матери и генетических родителей), ответственность за их неисполнение.

Также российское законодательство не регулирует ситуации, когда ребенок оказывается ненужным ни биологической матери, ни генетическими родителями. На практике нередко отмечаются случаи, когда в качестве генетических отца и матери желают выступить лица предпенсионного возраста или с явно выраженными психическими отклонениями, поэтому в законе уместно установить требования не только к суррогатной матери, но и к заказчикам, определить их минимальный и предельный возраст, для того чтобы они смогли воспитать ребенка.

Список литературы

1. Новоселова Е. Мама на девять месяцев // Рос. газ. – 2006. – № 424.
2. Почагина О. Суррогатное материнство в Китае // Проблемы Дальнего Востока. – 2009. – № 3. – 154 с.
3. Дронова Ю. А. Что нужно знать о суррогатном материнстве / Ю. А. Дронова. – М. : Городец, 2007. – 189 с.
4. Малиновская Е. Г. Правовое регулирование суррогатного материнства в Российской Федерации и в Республике Беларусь // Семейное и жилищное право. – 2007. – № 2. – 70 с.
5. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации : федер. закон от 21 нояб. 2011 г. № 323-ФЗ // Парламент. газ. – 2011. – № 50.
6. О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению : приказ М-ва здравоохранения от 12 февр. 2013 г. № 27010 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.consultant.ru>.
7. Конституция Российской Федерации : принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. // Рос. газ. – 1993. – 25 дек.
8. Смольнинский районный суд г. Санкт-Петербурга, решение от 4 марта 2011 г. по гражданскому делу № 2-1601/11 // КонсультантПлюс [Электронный ресурс] : справочная правовая система.

O. V. Ladygina

2nd Year Student, Law Institute, Irkutsk State University

Problems of Surrogate Motherhood Under Russian Legislation

Abstract. The article investigates the problems of surrogate motherhood within the framework of Russian legislation. Contradictory attitude of society towards this issue. The analysis of solutions to eliminate deficiencies in the mechanism of regulation of these relations.

Keywords: Surrogate motherhood, surrogate mother, genetic parents.

А. Д. Леер

управляющий партнер юридической компании Lex Alliance, г. Москва
e-mail: Leer@lexallince.ru

Аннотация. Рассматриваются условия, при которых исключительные права могут быть объектом гражданского оборота; соотношение вещных и исключительных прав на один и тот же объект и существующие ограничения для оборота исключительных прав. Анализируются предпосылки становления исключительных прав оборотоспособными и условия участия исключительных прав в гражданском обороте.

Ключевые слова: исключительные права, оборотоспособность исключительных прав, результаты интеллектуальной деятельности, средства индивидуализации, гражданский оборот, экономический оборот.

Материальные вещи с древних времен выступают в качестве объектов экономического оборота. Это объясняется тем, что «рост личности начинается с материального, поэтому первыми областями, в которых за личность признаются субъективные права, являются области отношений имущественных и семейных. Все то, что выходило за пределы этих материальных отношений, мало интересовало личность, а вследствие этого не находило себе отражения и в гражданском праве» [9, с. 132].

Результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации долгое время не участвовали в экономическом обороте, так как не было четко сформулированного механизма их участия. Но с течением времени появилась необходимость в вовлечении результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации в экономический оборот.

Был разработан законодательный механизм передачи объектов интеллектуальной собственности с учетом того, что сам объект передать невозможно, а можно предоставить право на совершение в отношении него определенных действий. Объекты гражданских прав, выступающие в качестве результатов интеллектуальной деятельности и приравненных к ним средств индивидуализации, не могут отчуждаться, так как они признаются необоротоспособными. Отчуждаться или иными законными способами переходить от одного лица к другому лицу могут только исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации.

Таким образом, появление категории «исключительное право» обусловлено возникшей значимостью результатов интеллектуальной деятельности для экономического товарного оборота. Было просто необходимо закрепить особые права за заинтересованными лицами, «чтобы никто не собирал урожай там, где ничего не посеял» [2, с. 3].

Для того чтобы результаты интеллектуальной деятельности могли принимать участие в

экономическом обороте, за ними должно быть закреплено право, похожее на право собственности, признаваемое за материальными вещами, т. е. абсолютное право. Именно «абсолютные правоотношения закрепляют предпосылки и результаты товарообмена (т. е. относительных, обязательственных правоотношений), что позволяет говорить об их взаимозависимости, а иногда даже о производности обязательственных прав от вещных и исключительных» [3, с. 13].

Следовательно, и вещные, и исключительные права юридически фиксируют присвоение тех или иных материальных и интеллектуальных благ и являются предпосылкой для юридической организации их коммерческого оборота. Поэтому следует согласиться с высказанным В. А. Дозорцевым мнением о том, что исключительное право представляет собой «юридическую форму обособления результата творческой деятельности человека и введения этого результата в оборот» [1, с. 554].

В настоящее время в п. 4 ст. 129 ГК РФ законодательно закреплена возможность прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации участвовать в экономическом обороте. Указанные права, а также материальные носители, на которых содержатся соответствующие результаты и средства, могут отчуждаться или иными способами переходить от одного лица к другому.

Результаты интеллектуальной деятельности могут становиться объектами правоотношений только в случае, когда они облакаются в какую-либо объективную форму, обеспечивающую их восприятие другими людьми. Но при этом необходимо отметить: исключительное право на результат интеллектуальной деятельности существует независимо от права собственности на материальный объект, в котором такой объект выражен. Вот почему законное обладание носителем исключительными правами (книгой, видеокассетой, компакт-диском и т. д.) еще не означает возможности экономического использования исключительных прав на сам объект [5, с. 76].

И все же обороты материальных и нематериальных результатов человеческой деятельности тесно связаны между собой. Обусловлено это тем, что огромное количество материальных благ (вещей), окружающих нас, являются носителями результатов интеллектуальной деятельности, представляющих из себя идеальный объект чьих-то прав [4, с. 563].

Соответственно, на один объект могут быть закреплены и вещные права, и интеллектуальные права. Такие права существуют совместно друг с другом в отношении объекта, представляющего собой материальное благо. Несоответствие указанного свойства проявляется в контрафактной продукции. На такую продукцию закреплено вещное право как на материальный объект, но при этом не признаются интеллектуальные права в связи с тем, что такая продукция нарушает права законного правообладателя и публичные интересы.

Современный рынок исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации можно охарактеризовать как сферу формирования спроса и предложения на исключительные права на признаваемые и охраняемые законом результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации, в которой они обращаются в качестве товара на основе свободного выбора и равноценного обмена [7, с. 5].

Оборотоспособность прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации выражается в возможности участия этих прав в коммерческом обороте путем предоставления права их использования и (или) распоряжения ими от одних субъектов гражданских правоотношений к другим при помощи различных гражданско-правовых способов.

Исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации, как и всякие объекты гражданских прав, могут быть классифицированы на группы по признаку их оборотоспособности [8, с. 72, 73].

К первой группе можно отнести исключительные права, которые могут свободно отчуждаться или переходить от одного лица к другому при помощи любого гражданско-правового способа. Оборотоспособность исключительных прав, закрепленная в ст. 129 ГК РФ, презюмируется.

Вторую группу составляют исключительные права, которые могут принадлежать определенным участникам оборота либо нахождение которых в обороте допускается по специальному разрешению. К указанной группе можно отнести, например, исключительные права на секретные изобретения.

К третьей группе относятся исключительные права, нахождение которых в обороте не допускается. Изъятими из экономического оборота

считаются те права, на распространение которых наложен запрет из соображений национальной безопасности и сохранения общественной нравственности. Например, к ним можно отнести исключительные права на изобретения, содержащие сведения, составляющие государственную тайну. Также изъятими из оборота в силу прямого указания закона являются исключительные права на фирменное наименование (п. 2 ст. 1474 ГК РФ), исключительные права на коллективный знак (п. 2 ст. 1510 ГК РФ), исключительные права на наименование места происхождения товара (п. 4 ст. 1519 ГК РФ).

Введение института регистрации исключительных прав позволяет увеличить контроль правообладателя за действиями, производимыми с его правом. Учитывая перечень охраняемых результатов интеллектуальной деятельности, содержащийся в ст. 1225 ГК РФ, возможно зарегистрировать следующие объекты интеллектуальной собственности и приравненные к ним средства индивидуализации:

- изобретения,
- полезные модели,
- промышленные образцы,
- селекционные достижения,
- фирменные наименования,
- товарные знаки и знаки обслуживания,
- наименования мест происхождения товара,
- программы для ЭВМ,
- базы данных,
- топологии интегральных микросхем.

Есть ряд объектов, которые в настоящий момент не подлежат государственной регистрации. К ним относятся: произведения науки, литературы и искусства; исполнения, фонограммы, сообщения в эфир или по кабелю радио- и телепередач.

Несмотря на общую классификацию с материальными объектами по признаку оборотоспособности, оборот исключительного права на охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации отличается от товарно-денежного оборота вещей, охраняемых вещным правом. Оборот исключительного права на результаты интеллектуальной деятельности используется не как классическая форма производства и обмена товаров (вещей), а как товарно-денежная форма. В силу особенностей, индивидуальности и оригинальности результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации «плата за приобретение исключительного права на них либо за предоставление права их использования определяется не сопоставлением индивидуальных трудовых и иных затрат автора либо иного правообладателя с общественно необходимыми затратами на их создание, поскольку таковых не существует и по определению не может существовать, а соотношением спроса и предложения на

указанные результаты и средства» [6, с. 12]. Таким образом, основной предпосылкой вовлечения прав на результаты интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации в оборот послужила необходимость обеспечения разумного баланса интересов авторов, желающих получить соответствующее вознаграждение за свой труд.

Таким образом, результаты интеллектуальной деятельности занимают важное место в гражданском обороте. Действующее законодательство предусматривает передачу исключи-

тельных прав на результаты интеллектуальной деятельности в полном объеме в порядке отчуждения (на основании ст. 1234 ГК РФ) и передачу исключительных прав в установленных пределах по лицензионному договору (в соответствии со ст. 1235 ГК РФ). Авторы и иные правообладатели вправе передавать права на результаты интеллектуальной деятельности с учетом действующих положений об оборотоспособности объектов гражданских прав.

Список литературы

1. Белов В. А. Гражданское право. Общая и особенная части / В. А. Белов. – М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 2003. – 960 с.
2. Блинец И. Право интеллектуальной собственности: цели и средства / И. Блинец, К. Леонтьев // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. – 2003. – № 2. – С. 2–15.
3. Гражданское право / под ред. Е. А. Суханова. – М.: Волтерс Клувер, 2005. – Т. 3. – 800 с.
4. Гражданское право. Актуальные вопросы теории и практики / под ред. В. А. Белова. – М.: Юрайт, 2008. – 993 с.
5. Зверева Е.А. Имущественные и исключительные права на информационные продукты, их реализация и защита // Право и экономика. – 2004. – № 12. – С. 40–45.
6. Зенин И. А. Исключительное интеллектуальное право (право интеллектуальной собственности) // Законодательство. – 2008. – № 8. – С. 27–40.
7. Корчагин А. Вовлечение в гражданский оборот результатов интеллектуальной деятельности как основа новой экономической стратегии России // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. – 2005. – № 7. – С. 5.
8. Крушина О. Г. Залог исключительных прав: дис. ... канд. юрид. наук / О. Г. Крушина. – М., 2005. – 155 с.
9. Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права / И. А. Покровский. – М. Статут, 2001. – 352 с.

A. D. Leer

Managing partner of a law firm, Lex Alliance, Moscow

Civil turnover of exclusive rights

Abstract. I consider the conditions under which exclusive rights can be object of civil turnover, the ratio of proprietary and exclusive rights to the same object, and existing restrictions for the turnover of the exclusive rights. Also I analyze the preconditions of becoming exclusive rights transferable and conditions of participation of the exclusive rights in the civil turnover.

Keywords: exclusive rights, the turnover capacity of the exclusive rights, results of intellectual activity, means of individualization, civil turnover, economic turnover.

М. А. Морозов

студент 1-го курса, Иркутский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры РФ
e-mail: maxmorozov1998.1@mail.ru

Научный руководитель:

В. М. Деревскова, заведующая кафедрой теории и истории государства и права, Иркутский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры РФ
e-mail: vderevskova@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены причины введения Декрета СНК о суде № 1 от 22 ноября 1917 г., в котором революционное правосознание закреплялось в качестве источника права, выделены положительные и отрицательные стороны его применения.

Ключевые слова: революционное правосознание, источники права, суд.

Октябрьская революция 1917 г. ознаменовала собой перелом в истории отечественного права. Старый правопорядок исчезает, а новый находится в процессе становления. Правовые нормы революционной поры, как правило, декларативны и проводятся в жизнь медленно и не всегда в соответствии с их содержанием. Очевидно, что в таких условиях возрастает роль усмотрения правоприменителя, иначе говоря, его правосознание становится источником права [10, с. 142–168]. Так, согласно п. 5 Декрета СНК о суде № 1 от 22 ноября 1917 г. «суды решают дела именем Российской Республики и руководствуются в своих решениях и приговорах законами свергнутых правительств лишь постольку, поскольку таковые не отменены революцией и не противоречат революционной совести и революционному правосознанию» [6]. Положение о народном суде РСФСР от 21 октября 1920 г. полностью запретило в приговорах и решениях ссылаться на законодательные акты предыдущих правительств, предписав народным судам руководствоваться декретами рабоче-крестьянского правительства и социалистическим правосознанием [7]. Таким образом, революционное (социалистическое) правосознание утверждено в качестве источника права в формально-юридическом смысле.

Проблема признания в качестве источника права революционного правосознания была наилучшим образом разработана в постреволюционной России, ей занимались такие ученые, как В. П. Антонов-Саратовский, Г. М. Португалов, Н. Н. Фиолетов, М. А. Чельцов-Бебутов.

Понятие «революционное правосознание» имеет различные трактовки. Так, М. А. Чельцов-Бебутов понимает под ним «судебно-процессуальное правило, установленное законодателем для судьи в виде руководства при выборе соответствующей меры воздействия» [13, с. 64]. Автор говорит о том, что революционное правосознание – это результат государственного

установления, а не представление народных масс или судей о праве. Однако мы не согласимся с этим утверждением, поскольку правосознание не «навязывается» государством в виде правил, а является субъективным отношением людей к праву и правовым явлениям [9, с. 213]. На наш взгляд, достаточно справедливо замечание Н. Н. Фиолетова о том, что именно «новый класс» стал носителем «живого права и определил содержание революционного правосознания» [12, с. 13–14].

Г. М. Португалов утверждал, что революционное правосознание – «это единственный источник права, вобравший в себя все практические выводы социализма, а декрет – не более чем путеводитель» [4, с. 90]. Ко всему прочему он говорит о тесной взаимосвязи понятия «революционное правосознание» с понятием «революционная совесть», под которой он понимал «субъективную способность осознать и применять революционное правосознание». Революционная совесть отражает определенную уверенность в том, что деятельность суда соответствует принципам нового строя [8, с. 21–25].

Таким образом, исходя из вышеизложенных положений, делаем вывод о том, что революционное правосознание – это представление народа о праве, опирающееся на социалистические идеалы и ценности, а революционная совесть не может выступать в качестве источника права.

Однако, говоря о «народе», мы имеем в виду пролетариат и крестьянство. Так, В. И. Ленин установил, что судьи могут избираться «из трудящихся только трудящимися» [3, с. 115]. Считаем справедливыми слова И. А. Шаповалова [14, с. 105] о том, что деятельность судов на основе правосознания пролетариата делала государство, которое представляли эти суды, привлекательным, народным, «своим» для представителей трудящихся. В подтверждение данной позиции приведем слова губнаркома Красноярского края В. Н. Яковлева, считавшего, что «суд должен об-

служивать интересы трудового народа» [Там же, с. 94–95]. Помимо этого, И. А. Шаповалов на основе анализа более 500 судебных решений того времени выделил основные особенности революционного правосознания: отражение воли пролетариата; средство достижения коммунизма; средство защиты интересов большинства; воплощение справедливости [Там же, с. 114].

Таким образом, при отправлении правосудия революционное правосознание предполагало действия в соответствии с интересами трудящихся, а также было направлено на противодействие противникам революции. Проведя анализ деятельности революционного трибунала, И. В. Брюханов сделал вывод о том, что при вынесении приговора суд принимал во внимание как отягчающие обстоятельства (к ним относились, например, факты, порочащие представителей власти или правоохранительной системы, антиреволюционную деятельность), так и смягчающие обстоятельства (заслуги перед революцией в борьбе с «белобандитами» на гражданском фронте, прошлые заслуги обвиняемых). В некоторых случаях более мягкое наказание назначалось лицам преклонного возраста [2, с. 12]. Так, слушанием дела о пособничестве контрреволюции 10 декабря 1917 г. начал свою работу Петроградский революционный трибунал. Член центрального комитета партии кадетов графиня С. В. Панина, товарищ министра просвещения свергнутого Временного правительства, обвинялась в преступном саботаже. Суть дела заключалась в том, что С. В. Панина, «не признавая власти рабочих и крестьян», обвинялась в присвоении денег, принадлежащих министерству, и использовании их на контрреволюционные цели. С. В. Панина не признавала власти большевиков и считала своим долгом сохранить деньги для передачи Учредительному собранию. От «каких-либо разъяснений» комиссарам и следственной комиссии С. В. Панина отказалась. По итогам слушания дела трибунал «именем революционного народа» признал С. В. Панину виновной и постановил: «содержать гражданку Панину в заключении до момента возврата взятых ею денег». Но принимая во внимание просветительное прошлое обвиняемой, руководствуясь позицией справедливости, суд решил ограничиться общественным порицанием [11, с. 80]. Другим ярким примером применения революционного правосознания будет слушание дела в январе 1918 г. Московским революционным трибуналом. Обвиняли членов стачечного комитета, служащих городской управы в пособничестве контрреволюции путем саботажа, выразившемся в забастовке. Комитет состоял из руководителей городских, преимущественно медицинских, учреждений и больниц, организация забастовки которыми негативно отразилась на состоянии городского хозяйства и

медицинской сферы. По итогам слушания трибунал признал членов стачечного комитета виновными и постановил: «Объявить этих граждан «врагами народа» и лишить их права быть избираемыми на какую-либо общественную или государственную должность» [Там же, с. 81].

Несмотря на то что правосознание в качестве формального источника права обладало определенным положительным влиянием на развитие правоприменительной деятельности, оно имело и отрицательные черты. Так, на наш взгляд, огромная роль отводилась судебному усмотрению, в некоторых случаях это приводило к произволу. Так, например, в одном из обращений к В. И. Ленину было записано: «Видя кругом неправду, получая со всех сторон незаслуженные оскорбления, я обращаюсь к вам, дорогой товарищ, с последней надеждой найти правду, если я у вас не найду защиты, то всем и каждому смело и открыто скажу – нет правды у нас, нет и не было» [1, с. 84]. Эти слова свидетельствуют о том, что в отдельных случаях существовала несправедливость в вынесенных приговорах, которая была обусловлена «незаконностью в формально-юридическом аспекте и неадекватностью представлений о справедливом правосудии» [Там же]. Такое положение вещей не могло оставаться вечным. Сам В. И. Ленин рассматривал революционное правосознание как источник права только в условиях отсутствия достаточного количества законов [4, с. 89]. Таким образом, революционное правосознание как источник права могло использоваться непродолжительное время, до момента нормативно-правового регулирования общественных отношений. В частности, Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. (ст. 9) провозгласил, что «назначение наказания производится судебными органами по их социалистическому правосознанию с соблюдением руководящих начал и статей настоящего кодекса» [5], т. е. предписания закона стали на первый план в правоприменительной деятельности. Отсюда и рождается принцип социалистической законности, суть которого заключается в отказе от революционного правосознания как источника права и соответствии принимаемых решений советскому законодательству.

Таким образом, революционное правосознание – это представление трудящихся о праве и с опорой на социалистические идеалы и ценности, которое благодаря отсутствию необходимого количества законов приобрело статус основного источника права. Революционное правосознание опиралось на справедливость и интересы большинства, однако в части случаев оно становилось орудием произвола и приводило к недовольствам среди населения. Утверждение революционного правосознания в качестве формального источника права являлось временной мерой, значимость которой со временем снижа-

лась, и когда было принято достаточное количество законов, революционное правосознание перестает использоваться в качестве источника права, и утверждается социалистическая законность. В условиях создания нового социалисти-

ческого государства, когда фактически невозможно было использовать прежнее законодательство, а новые законы не могли сразу быть приняты в полном объеме, был найден оригинальный источник права.

Список литературы

1. Абдурахманова И. В. Некоторые аспекты формирования образа советского правосудия в массовом правосознании 1918–1921 гг. / И. В. Абдурахманова // Юрист-правовецъ. – 2008. – № 3. – С. 83–87.
2. Брюханов И. В. Деятельность революционных трибуналов в Иркутске / И. В. Брюханов // Сиб. юрид. вестн. – 2006. – № 3. – С. 11–14.
3. Ленин В. И. Полн. собр. соч. В 55 т. Т. 38. Март–июнь 1919 г. / В. И. Ленин. – М. : Политиздат, 1969. – 595 с.
4. Максимова О. Д. Революционное правосознание как источник советского права и законодательства / О. Д. Максимова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 9. – С. 88–94.
5. О введении в действие Уголовного кодекса РСФСР (вместе с Уголовным кодексом РСФСР) : постановление ВЦИК от 1 июня 1922 г. // Собр. узаконений РСФСР. – 1922. – № 15. – Ст. 153.
6. О суде : декрет СНК РСФСР от 22 нояб. 1917 г. № 1 // Собр. узаконений РСФСР. – 1917. – № 4. – Ст. 50.
7. Положение о Народном Суде Российской Советской Федеративной Социалистической Республики: декрет ВЦИК от 21 окт. 1920 г. // Собр. узаконений РСФСР. – 1920. – № 83. – Ст. 407.
8. Португалов Г. М. Революционная совесть и социалистическое правосознание / Г. М. Португалов. – Пб. : Гос. изд-во, 1922. – 51 с.
9. Пьянов Н. А. Консультации по теории государства и права : учеб. пособие / Н. А. Пьянов. – 2-е изд., перераб. и доп. – Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2008. – 571 с.
10. Строгович М. С. Избранные труды. В 3 т. Т. 1. Проблемы общей теории права / М. С. Строгович. – М. : Наука. – 1990. – 304 с.
11. Гитков В. И. Революционный трибунал как элемент классового правосудия / В. И. Гитков // Уникальные исследования XXI века. – 2016. – № 9 (21). – С. 78–94.
12. Фиолетов Н. Н. Понятие социалистического правосознания в советском праве / Н. Н. Фиолетов // Право и суд. – 1925. – № 1 (3). – С. 8–19.
13. Чельцов-Бебутов М. А. Социалистическое правосознание и уголовное право революции / М. А. Чельцов-Бебутов. – Харьков : Юрид. изд-во НКЮ УССР, 1924. – 92 с.
14. Шаповалов И. А. Формирование правосознания в Советской России в 1917–1920-х гг. (уголовно-правовой аспект) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / И. А. Шаповалов – М., 2005. – 218 с.

M. A. Morozov

1st Year Student, Irkutsk Law Institute, Russian Academy of General Prosecutor's Office

Revolutionary Legal Consciousness as a Source of Right

Abstract. This article considers the reasons for the introduction of the Decree of the Council of People's Commissars on the court of November 22, 1917, in which revolutionary legal consciousness was established as a source of law, as well as the positive and negative aspects of its application.

Keywords: revolutionary legal consciousness, source of right, court.

Некоторые проблемные вопросы, связанные с установлением ответственности за мелкое взяточничество

© Номогоева М. А., 2017

М. А. Номогоева

магистрант 1-го курса, Юридический институт, Иркутский государственный университет
e-mail: tikhon1812@gmail.com

Научный руководитель:

П. В. Никонов, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, Юридический институт, Иркутский государственный университет
e-mail: Nikonov_PV@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются некоторые проблемные вопросы, связанные с мелким взяточничеством. Особое внимание уделяется квалификации неоднократных случаев мелкого взяточничества как совокупности преступлений или как единого продолжаемого преступления.

Ключевые слова: мелкое взяточничество, единое продолжаемое преступление, совокупность преступлений, посредничество.

Выделение ответственности за мелкое взяточничество актуализировало проблему квалификации неоднократных случаев взяточничества как совокупности преступлений или как единого продолжаемого преступления. Сущность рассматриваемого правового вопроса в том, что в зависимости от конкретных юридически значимых обстоятельств многоэпизодная преступная деятельность в одном случае квалифицируется как совокупность преступлений, а в другом – как единое продолжаемое преступление.

Данная проблема не нашла своего однозначного разрешения ни в теории уголовного права, ни в правоприменительной практике. Отсутствие единообразного подхода в его оценке обуславливает необходимость последовательного научного анализа заявленной темы.

По общему правилу, применяемому в теории квалификации преступлений, если многоэпизодная преступная деятельность представляет собой юридически тождественные, однородные действия, направленные на достижение единого преступного результата, и охватывается единой формой вины, содеянное следует квалифицировать как единое продолжаемое преступление.

Вместе с тем, как разъяснил Верховный Суд РФ в абз. 3 п. 21 Постановления от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях», «не может квалифицироваться как единое продолжаемое преступление одновременное получение, в том числе через посредника, взятки или незаконного вознаграждения при коммерческом подкупе от нескольких лиц, если в интересах каждого из них должностным лицом или лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, совершается отдельное действие (акт бездействия). Содеянное при таких обстоятельствах образует совокупность преступлений» [8]. Данный подход

соответствует формирующейся судебной следственной практике по рассматриваемой категории уголовных дел. Примером этого является следующий случай.

По приговору Советского районного суда г. Волгограда от 22 июля 2016 г. доцент кафедры одного из вузов С. осуждена за семь эпизодов получения взятки (по каждому – в размере, не превышающем 10 тыс. руб.) от студентов за успешную сдачу зачетов по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 291.2 УК РФ [9].

Однако выработанные правила квалификации по многоэпизодным уголовным делам и положения рассматриваемого Постановления Пленума Верховного Суда РФ являются неоспорными и требуют дополнительного разъяснения.

Для квалификации неоднократных случаев мелкого взяточничества как единого продолжаемого взяточничества нужно учитывать обязательные признаки продолжаемого преступления. В науке они делятся на объективные (неоднократность преступных действий и юридическое тождество) и субъективные (общая цель, объединяющая эти действия в единое целое и единый умысел, которым охватываются преступные действия виновного) [1, с. 216].

Начнем с объективных признаков, а именно неоднократности и тождественности актов преступной деятельности. Неоднократность как количественный признак продолжаемого преступления, с точки зрения уголовного права, означает совершение двух или более актов преступного посягательства.

Тождественными деяниями в теории уголовного права называются такие, которые подпадают под одну и ту же статью уголовного закона, а иногда под одну и ту же часть той или иной статьи. Следовательно, в продолжаемом преступлении речь должна идти о тождествен-

ных в юридическом смысле действиях. Субъективная сторона продолжаемого преступления характеризуется, как это было указано ранее, общей целью и единым умыслом.

Общая цель предполагает осознание субъектом конечного результата и стремление достичь его посредством совершения нескольких преступных актов. В целеобразовании продолжаемого получения взятки можно выделить цели отдельных (каждого) эпизодов и цель общую, которая выступает в качестве концентрированного выражения породившего ее интереса и модели будущего результата. Следовательно, совершая отдельные акты, субъект претворяет в жизнь свой единый замысел в достижении заранее поставленной цели. Например, взяточполучатель с самого начала ставит себе цель обогатиться на сумму, большую, чем описана в диспозиции ч. 1 ст. 291.2 УК РФ, но это достигается посредством получения неоднократных и юридически тождественных мелких взяток.

Содержание единого умысла включает осознание лица, что оно: 1) совершает несколько последовательных действий с целью достижения определенного последствия; 2) своими действиями посягает на один объект, причиняет ему определенный ущерб и достигает определенного общественно опасного результата; 3) желает добиться результата путем последовательного совершения однородных (тождественных) действий, т. е. лицо осознает, что совершение каждого из деяний является средством достижения единого конечного результата, и желает таким путем его достигнуть [2, с. 74].

Так, создатель «МММ-94» С. Мавроди был осужден за мошенничество в особо крупном размере, которое предусмотрено ч. 4 ст. 159 УК РФ. Его компания уверяла вкладчиков в возврате денежных средств с процентами, тем самым это позволяло компании завладеть чужим имуществом путем обмана. Хотя потерпевших вкладчиков было огромное количество и завладение имуществом происходило в несколько тысяч эпизодов, эти действия были расценены как несколько актов в едином продолжаемом преступлении, умысел которого охватывал особо крупный размер мошенничества, а не как совокупность преступлений. Содеянное действительно будет квалифицироваться как единое продолжаемое преступление, несмотря на то что вред причиняется нескольким потерпевшим и даже несмотря на то что каждому потерпевшему причиняется вред, меньший, чем указан в ч. 4 ст. 159 УК РФ. Упор здесь делается на то, что особо крупный размер был охвачен умыслом субъекта и для достижения результата он совершает несколько различных по размеру мошеннических действий.

Подобные же правила квалификации можно применить к нескольким мелким взяткам, в со-

вокупности образующим одно продолжаемое преступление. Даже если размер взятки в каждом отдельном эпизоде соответствует мелкому размеру, необходимо давать оценку направленности умысла взяточника. Так, если умысел лица направлен на получение или дачу взятки в размере, превышающем 10 тыс. руб., не имеет значения, достиг ли он этого результата одним деянием или несколькими. Если не давать оценку направленности умысла и квалифицировать каждый эпизод самостоятельно, то этим создаются условия для снижения ответственности за содеянное.

С учетом изложенного выше: если неоднократные случаи мелкого взяточничества направлены на достижение единого преступного результата и охватываются единой формой вины, содеянное следует квалифицировать как единое продолжаемое преступление. Если же при неоднократных случаях мелкого взяточничества по каждому эпизоду противоправного поведения у виновного формируется самостоятельный умысел, содеянное квалифицируется по правилам о совокупности преступлений.

С введением ст. 291.2 в УК РФ возник вопрос, связанный с квалификацией получения и дачи взятки в размере, не превышающем 10 тыс. руб., если наличествуют квалифицирующие обстоятельства, указанные в ст. 290 и 291 УК РФ.

Данная проблема не нашла своего однозначного решения в теории уголовного права. Однако Верховный Суд РФ разъяснил, что, несмотря на квалифицирующие признаки (заведомо незаконные действия, вымогательство взятки, группой лиц по предварительному сговору и т. д.), взятка в размере, меньшем чем 10 тыс. руб., квалифицируется как мелкая по ст. 291.2 УК РФ. Такой подход соответствует правилам квалификации преступлений, а именно: при конкуренции норм, содержащих квалифицированный и привилегированный составы, применению подлежит последняя [3, с. 83]. Тем более что условием применения ч. 1 ст. 291.2 УК РФ не является отсутствие квалифицированных признаков ст. 290 и 291 УК РФ.

Однако такой подход к конструкции уголовно-правовой нормы полностью игнорирует тот факт, что квалифицированные обстоятельства повышают общественную опасность получения и дачи взятки независимо от ее размера.

Например, получение взятки в сумме более 10 тыс. руб., но не более 1 млн руб., совершенное группой лиц по предварительному сговору, следует квалифицировать по п. «а» ч. 5 ст. 290 УК РФ, предусматривающей наказание в виде лишения свободы от семи до двенадцати лет. Получение взятки группой лиц по предварительному сговору в размере не более 10 тыс. руб. – по ч. 1 ст. 291.2 УК РФ с верхним пределом санкции, равным одному году лише-

ния свободы. Тот факт, что, независимо от размера незаконного вознаграждения, группа лиц по предварительному сговору обладает большей общественной опасностью, причиняет больший вред интересам государственной службы, при такой квалификации не принимается во внимание. Далеко не очевиден (и, скорее всего, ошибочен) вывод об отсутствии повышенной степени общественной опасности получения мелкой взятки с вымогательством. Поскольку этим непосредственно причиняется вред материальным интересам вынужденного взяткодателя, т. е. преступному воздействию подвергается дополнительный объект – интересы собственности.

Поэтому продемонстрированная законодателем убежденность в приоритетности размера взятки перед квалифицирующими признаками получения взятки полностью игнорирует то, что общественная опасность не должна измеряться только в размере незаконного вознаграждения, она должна измеряться и характером действий (бездействия) по службе, совершаемых за это вознаграждение, личностью взяткополучателей, их возможной группой и другими обстоятельствами. Ведь дифференциация в ст. 290 и 291 УК РФ по квалифицирующим признакам показывает, что эти обстоятельства могут влиять на общественную опасность деяния.

Итак, выделение ответственности за мелкое взяточничество будет оправдано, если все же законодатель обратит внимание на другие обстоятельства, которые повышают общественную опасность, за исключением размера незаконного вознаграждения.

По нашему мнению, стоит добавить квалифицированные составы в ст. 291.2. УК РФ.

Существует другая точка зрения, содержание которой выражается в том, чтобы при наличии квалифицирующих признаков (таких, как вымогательство, группа лиц по предварительному сговору и т. д.), вменять соответствующие части ст. 290 и 291 УК РФ, несмотря на размер взятки. Данная позиция имеет право на жизнь, но, как представляется нам, не все квалифицирующие признаки можно автоматически пере-квалифицировать на соответствующие части ст. 290 и 291 УК РФ. Например, вымогатель взятки, осознавая, что, несмотря на размер вымогаемой взятки, его действия при раскрытии факта взятки уже будут квалифицироваться по ч. 5 ст. 290 УК РФ, будет вымогать как можно больше. Ведь размер взятки никак не повлияет на смягчение ответственности. Тем самым мы будем стимулировать его вымогать больший размер взятки, соответственно, в большем объеме нарушать законные интересы вынужденного взяткодателя. А если добавить квалифицированные составы в ст. 291.2 УК РФ, указанной проблемы не будет.

Норма, выраженная в ст. 291.2 УК РФ, объединяет в себе два состава преступления – получение и дача взятки, что, по нашему мнению, не совсем справедливо с точки зрения соразмерности назначения наказания. Получение и дача взятки представляют собой самостоятельные составы, которые кардинально отличаются и действиями, которые совершает субъект, и содержанием умысла, и теми лицами, которые совершают эти преступления. Получение взятки имеет большую общественную опасность, чем дача взятки. Это подтверждается тем, что санкция в ст. 290 УК РФ строже, чем в ст. 291 УК. Данная закономерность прослеживалась в течение многих лет. Так, в нормах УК РСФСР 1922 г., УК РСФСР 1926 г. и УК РСФСР 1960 г. за получение взятки предусматривались более строгие санкции, чем за дачу взятки. Поэтому не совсем понятны причины, побудившие законодателя совместить два самостоятельных состава в одну диспозицию и установить единую санкцию. В связи с этим предлагается несколько вариантов решения указанной проблемы:

1) разделить дачу и получение взятки в размере, не превышающем 10 тыс. руб., по разным частям ст. 291.2 УК РФ с дифференцированной санкцией. Так, дача мелкой взятки будет квалифицироваться по ч. 1, а получение взятки – по ч. 2;

2) убрать получение взятки из диспозиции ст. 291.2 УК РФ, т. е. не смягчать ответственность за получение взятки, даже если размер не превышает 10 тыс. руб. Появление этого варианта обусловлено тем, что степень общественной опасности получения взятки зависит не столько от размера взятки, сколько из обусловленности взяткой или ее обещанием деятельности должностного лица и наступивших последствий. Например, необоснованный и незаконный отказ в возбуждении уголовного дела не обладает меньшей общественной опасностью в случае, если следователь получил за данное действие взятку в размере не 200 тыс., а 2 тыс. руб. Поэтому, по мнению некоторых ученых, выделение в УК РФ состава получения взятки в размере, не превышающем 10 тыс. руб., необоснованно, поспешно и не способствует борьбе с коррупцией в Российской Федерации. Тем более что российское уголовное законодательство и так располагает широким набором средств, обеспечивающих возможность обвиняемым по ст. 290 УК РФ получить освобождение от уголовной ответственности, а осужденным рассчитывать на привилегии при назначении наказания вплоть до освобождения от него [4, с. 96].

То, что законодатель все-таки выделил получение мелкой взятки в привилегированный состав, показывает, что в ближайшее время получение мелкой взятки не будет изъято из диспозиции ст. 291.2. Поэтому наиболее возможным вариантом представляется первый – с диффе-

ренциацией по частям самостоятельных составов получения и дачи взятки.

Относительно термина «через посредника», который присутствует в диспозиции ст. 291.2 УК РФ, стоит отметить, что он обозначает не квалификацию действий посредника, а способ совершения преступления. Здесь хотелось бы затронуть тему возможности привлечения к ответственности посредника за мелкую взятку. Верховный Суд РФ, отвечая на похожий вопрос, указал, что лицо не может быть привлечено по ст. 291.2. УК РФ за совершение посреднических услуг, мотивируя это тем, что уголовная ответственность установлена только за посредничество в коммерческом подкупе или во взяточничестве, если сумма предмета подкупа или размер взятки являются значительными (превышают 25 тыс. руб.).

Данная позиция не вызывает вопросов – суд прямо следует указаниям закона. Но насколько оправданно то, что посредничество в незначительном размере взятки зачастую рассматривается как непроступное? Противоправность и общественная опасность таких действий неоспорима. Существует мнение, что деяние нужно квалифицировать как пособничество в даче или получении взятки через ссылку на ч. 5 ст. 33 УК РФ, что, на наш взгляд, является обоснованным. Для того чтобы доказать эту позицию, приведем несколько аргументов.

1. Общественная опасность действий лиц, так или иначе содействующих взяточничеству, не зависит от размера незаконного вознаграждения. Поэтому признание непроступным посредничества во взятке, размер которой меньше 25 тыс. руб., является огромным пробелом в законодательном регулировании.

2. Часть 1 ст. 291.1 является привилегированным составом преступления относительно ч. 2 ст. 290 УК РФ. Но это не значит, что он декриминализует пособничество в незначительном размере. В законе прямо не прописано, что все остальные виды пособничества во взяточничестве нельзя квалифицировать по правилам ст. 33 Общей части УК РФ.

3. Законодатель дифференцировал наказание за пособничество в зависимости от размера взятки. Так, строгость наказания по ч. 1 ст. 291.1 УК РФ превосходит наказуемость обычного соучастия в получении взятки по ч. 5 ст. 33 и ч. 1 ст. 290 и даче взятки по ч. 5 ст. 33 ч. 1 ст. 291 УК РФ. Из этого можно сделать вывод, что законодатель решил не декриминализовать посредничество в незначительном размере взятки, а дифференцировать уголовную ответственность за посредничество в зависимости от суммы взятки, т. е. при незначительном размере взятки посредник должен отвечать по более мягкой норме о соучастии в получении и даче взятки.

4. Признание непроступности взяточничества в незначительном размере не соответствует мировым обязательствам Российской Федерации. Так, ратифицированные Россией международные договоры, нацеленные на противодействие коррупции, предусматривают криминализацию соучастия и посредничества во взяточничестве без каких бы то ни было изъятий, обусловленных ролью виновного или размером предмета взятки [5, с. 98].

Исходя из вышеизложенного и выделения законодателем ответственности за мелкую взятку, представляется возможным предложить следующую схему квалификации действий лиц, содействующих взяточничеству в незначительном размере.

Схема квалификации действий лиц, содействующих взяточничеству в незначительном размере

Общественно опасное деяние	Квалификация действий	Максимальное наказание
Пособничество в получении либо даче взятки, размер которой не превышает 10 тыс. руб.	Ч. 3 ст. 33 + ч. 1 ст. 291.2 УК РФ	Лишение свободы до 1 года
Пособничество в получении взятки в размере от 10 тыс. руб. до 25 тыс. руб.	Ч. 5 ст. 33 + ч. 1 ст. 290 УК РФ	Лишение свободы до 3 лет
Пособничество в даче взятки в размере от 10 тыс. до 25 тыс. руб.	Ч. 5 ст. 33 + ч. 1 ст. 291 УК РФ	Лишение свободы до 2 лет

В части 2 ст. 291.2 УК РФ содержится квалифицированный состав получения и дачи взятки. При этом квалифицирующим признаком предусмотрена судимость лица за совершение преступлений, предусмотренных в ст. 290, 291, 291.1 УК РФ. Насколько оправданно выделение такого квалифицирующего признака? В пояснительной записке к проекту № 1079243-6 квалифицированный состав мелкого взяточничества представлен в качестве меры предупреждения повторного совершения аналогичных преступлений. Однако для выделения квалифицирующего признака последний должен обладать несколькими свойствами.

1. Квалифицирующий признак должен указывать на существенный «перепад» в уровне общественной опасности по сравнению с деянием, содержащим основной состав. В данном случае невозможно выявить повышения общественной опасности. Напротив, общественная опасность резко возрастает, если взятка берется лицом за совершение незаконных действий либо путем вымогательства. В последнем случае вообще страдают законные интересы вынужденного взяткодателя. На фоне названных возможных квалифицирующих признаков такой признак, как судимость, теряет свою актуальность и «повышенную» общественную опасность.

2. Признак должен быть присущим для преступлений этого вида [6, с. 178], т. е. относительно распространенным. По данным уголовно-правовых и криминологических исследований, совершение коррупционного преступления лицом, имеющим судимость за какое бы то ни было преступление (не говоря уже о специальном рецидиве), – явление редкое [7, с. 56].

Несмотря на несоответствие квалифицирующего признака в ч. 2 ст. 291.2 УК РФ вышеуказанным свойствам, законодатель выделяет это обстоятельство в самостоятельную часть. И даже если согласиться с тем, что это повышает общественную опасность и требует повышенной санкции, то не совсем понятно ограничение круга преступлений, судимость за которые является квалифицируемым обстоятельством мелкого взяточничества, а именно – ст. 290, 291, 291.1 и 291.2 УК РФ. С уголовно-правовой точки зрения границы между публичной и частной коррупцией четко не выражены. Несмотря на собственные объекты посягательства, эти преступления коррупционной направленности имеют одну природу. Поэтому если и признавать судимость за названные коррупционные преступления квалифицирующим признаком, то стоит добавить составы преступлений частной коррупции (ст. 204, 204.1, 204.2 УК РФ).

В примечании к ст. 291.2 УК РФ содержатся основания освобождения от уголовной ответственности за дачу взятки, размер которой не превышает 10 тыс. руб. Данное примечание аналогично тому, которое имеет ст. 291 УК РФ, предусматривающая ответственность за дачу

взятки. Примечание содержит две следующие разновидности оснований освобождения от ответственности:

1) активное содействие раскрытию и (или) расследованию преступления + вымогательство взятки со стороны должностного лица;

2) активное содействие раскрытию и (или) расследованию преступления + добровольное сообщение о даче взятки.

Каждое основание должно собираться из двух названных выше условий. Само по себе активное содействие раскрытию и расследованию преступления, либо добровольное сообщение о даче взятки, либо вымогательство рассматриваются как смягчающие обстоятельства и не влекут освобождения от уголовной ответственности.

Стоит отметить, что добровольное сообщение – это сообщение в правоохранительные органы о даче взятки не в связи с тем, что об этом стало известно правоохранительным органам, а в связи с личным решением взяточдателя. Таким образом, сообщение о даче взятки, сделанное в правоохранительные органы в связи с тем, что об этом стало известно представителям власти, исключает признание сообщения добровольным.

Все вышеизложенное свидетельствует о незавершенности процесса реформирования антикоррупционного уголовного законодательства России и необходимости дополнительных официальных разъяснений Пленума Верховного Суда РФ по вновь возникшим вопросам квалификации мелкого взяточничества.

Список литературы

1. Семернёва Н. К. Правила квалификации (части общая и особенная) : науч.-практ. пособие / Н. К. Семернёва – М. : Проспект, 2014 – 309 с.
2. Белокуров О. В. Проблемы квалификации хищения вверенного имущества : монография / О. И. Белокуров. – М. : Юрист, 2003 – 117 с.
3. Иногамова-Хегай Л. В. Концептуальные основы конкуренции уголовно-правовых норм : монография / Л. В. Иногамова-Хегай. – М. : Норма, 2015. – 287 с.
4. Чулкина Э. Ю. Выделение уголовной ответственности за мелкое взяточничество (ст. 291.2 УК РФ) : критический взгляд // Экономика, социология и право. – 2016. – № 10. – С. 95–100.
5. Клименко Ю. А. Квалификация посредничества в коммерческом подкупе и взяточничестве // Право : журн. Высш. шк. экон. – 2016. – № 4. – С. 96–105.
6. Лесниевски-Костарева Т. А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика : монография / Т. А. Лесниевски-Костарева. – М. : Норма, 2000. – 230 с.
7. Икрянникова А. С. Соучастие в коррупционном преступлении: опыт криминологического исследования : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / А. С. Икрянникова. – Волгоград, 2016. – 288 с.
8. О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 // Бюл. Верховного Суда РФ. – 2013. – № 9 – Ст. 3563.
9. Приговор Советского районного суда от 22 июля 2016 г. по делу № 1-142/2016 // Гарант [Электронный ресурс] : справочная правовая система.

M. A. Nomogoeva

Undergraduate, 1st Year of Study, Law Institute, Irkutsk State University

The Some Problematic Aspects of the Small Bribery

Abstract. In article the some problematic aspects of small bribery is considered. Particular attention is paid to the problem of qualification of repeated cases of petty bribery as a set of crimes or as a single continuing crime.

Keywords: small bribery, single continuing crime, set of crimes, mediation in bribery.

Осмысление исторического опыта в России в сфере защиты прав и законных интересов осужденных

© Пьянков М. О., 2017

М. О. Пьянков

студент 1-го курса, Иркутский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры РФ
e-mail: mikhail.pyankov.2018@mail.ru

Научный руководитель:

В. М. Деревскова, заведующая кафедрой теории и истории государства и права, Иркутский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры РФ
e-mail: vderevskova@mail.ru

Аннотация. Анализируется правовое положение Общества попечительного о тюрьмах, а также сравнивается деятельность общественных советов при ФСИН с их прототипом XIX в. Проводится оценка функционирования пенитенциарной системы современной России и Российской империи в XIX в., кроме того, указываются положительные моменты в работе Общества попечительного о тюрьмах, которые могут быть использованы на современном этапе в указанной сфере. Автор опирается на статистические данные.

Ключевые слова: Общественный совет при ФСИН, Общество попечительное о тюрьмах, защита прав заключенных, тюремный патронат над несовершеннолетними.

Пенитенциарная система – неотъемлемый элемент функционирования любого государства, поэтому осмысление исторического опыта в данной области имеет большое значение.

Основным документом, свидетельствующим о состоянии уголовно-исполнительной системы (УИС), является Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г. Согласно данному документу, «по состоянию на 1 января 2010 г. в учреждениях уголовно-исполнительной системы, обеспечивающих изоляцию от общества, содержалось 864 тыс. человек», из которых более 90 % (около 800 тыс.) состояло на диспансерном учете по поводу различных заболеваний [4]. Такая неутешительная статистика прослеживается в рамках снижения финансирования уголовно-исполнительной системы: в 2015 г. на содержание ФСИН выделено 266 млрд руб. [7], в 2016 – 262 млрд руб. [8], в 2017 – 248 млрд руб. [9]. В этих условиях, по мнению К. С. Суховарова, «система уголовного наказания сама генерирует рецидивистов быстрее, чем развивается уголовно-исполнительная система» [16, с. 11]. Этот факт подтверждается и в Концепции развития УИС: «...почти половина осужденных отбывает наказание второй раз и более, что приводит к увеличению удельного веса социально деградировавших граждан» [4].

В этой связи, особенно в рамках формирования гражданского общества в России, существенно возрастает значение обществ тюремного патроната. Таковые в России представлены Общественным советом при Федеральной службе исполнения наказаний.

Представление о правовом статусе Общественного совета нам дает Положение об Общественном совете при Федеральной службе исполнения наказаний по проблемам деятельности уголовно-исполнительной системы, утверждён-

ное 1 октября 2013 г. Согласно данному Положению, Общественный совет, «являющийся постоянно действующим совещательно-консультативным органом при ФСИН, имеет основной целью защиту прав и законных интересов работников и ветеранов УИС, а также осужденных, подозреваемых и обвиняемых». Для исполнения данных целей Совет обладает следующими полномочиями: информирование общественности и СМИ с целью формирования у населения объективного представления об органах УИС, помощь осуждённым в реализации права на образование, содействие в социальной реабилитации лицам, отбывшим наказание в виде лишения свободы, участие в правотворческой деятельности по соблюдению прав и законных интересов вышеперечисленных лиц, запросы сведений о деятельности учреждений ФСИН по соблюдению прав и свобод человека. Финансовую основу деятельности совета составляют ассигнования из федерального бюджета [11].

Не меньшее значение имеет патронат над несовершеннолетними, ведь в структуре общества именно молодёжь является самым многочисленным и активным элементом, поэтому вопрос о преступности несовершеннолетних, в том числе об их ресоциализации, «во все времена является одной из самых актуальных социальных проблем» [5, с. 69]. В России организациями, в задачи которых входит социально-педагогическая реабилитация несовершеннолетних, находящихся в социально опасном положении, являются комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, деятельность которых урегулирована соответствующим Федеральным законом «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» от 24 июня 1999 г., Постановлением Правительства РФ «Об утверждении При-

мерного положения о комиссиях по делам несовершеннолетних и защите их прав» от 6 ноября 2013 г., а также нормативными правовыми актами субъектов РФ.

Данными органами представлены организации по защите прав и оказанию помощи в ресоциализации представителям всех возрастов. Трудно представить, но все вышеперечисленное не что иное, как заимствование достижений исторического опыта – задач, полномочий – из органов пенитенциарной системы XIX в.

В XIX в. все полномочия вышеперечисленных государственных органов были возложены на единственную организацию – Общество попечительное о тюрьмах, созданное Александром I под влиянием английского подданного, коммерсанта Вальтера Венинга.

В 1817 г. Венинг посетил Петербург, сблизился с министром духовных дел и просвещения князем Голицыным, который представил коммерсанта императору. Ознакомившись, с позволения Александра I, с положением мест заключения, Венинг предоставил императору записку, в которой изложил предложения по совершенствованию тюремной системы [10, с. 200–201].

По словам В. Н. Никитина, Венингу пришлось «обрисовать истинное состояние тогдашних тюрем: в смиренном доме: комнаты грязные, колодники привязаны за шею, лазарет с 9 больными помещался почти в земле, отчего комнаты были сыры, мокры, с них текло, в комнатах было темно и грязно, в одной комнате находилось до 200 человек – с величайшим, например, преступником, окованным железом, несчастный мальчик, за потерю паспорта, то есть тюрьмы в России неспособны к помещению человечества» [6, с. 11–13].

Эти материалы послужили предпосылкой для создания Попечительного общества о тюрьмах (далее – Общество), деятельность которого была урегулирована «Правилами о Попечительном Обществе о тюрьмах», принятыми 19 июля 1819 г. Общество должно было обеспечить применение пяти видов исправления в тюрьмах и местах заключения: 1) ближайший и постоянный надзор за осужденными; 2) размещение их по роду обвинения или преступлений; 3) наставление их в правилах христианского благочестия и доброй нравственности на этом основании; 4) занятие их приличными упражнениями; 5) заключение провинившихся из них или буйствующих в уединенное место [1, с. 437].

В XIX в. наиболее применяемыми и в то же время самыми жестокими из всех видов наказаний были ссылка и каторга. Так, число осужденных на тюремное заключение в период с 1860 по 1868 г., согласно исследованию М. Н. Гернета, – 87 572 человека (12 % от всех осужденных на уголовные наказания за данный период), а сосланных (на поселение, водворение, каторгу) –

49 987 человек (7 %) [3, с. 525]. Число сосланных, по сведениям, приводимым Н. М. Ядринцевым, с 1823 (год, когда приказ о ссыльных мог учитывать число препровождаемых) по 1888 г. – 781 901 человек. Если говорить, например, только о подвергнувшихся ссылке на поселение, то их число за 9 лет, с 1867 по 1876 г., тоже было внушительным – 133 002 человека [17, с. 243–250]. В связи с этим наиболее целесообразным полагаем рассмотреть деятельность Общества в отношении ссыльнопоселенцев и ссыльнокааторжных, а также в отношении малолетних осужденных.

Общество в разное время было подведомственно различным органам, но всегда государственным. Это говорит о том, что оно было единственным в своем роде в Российской империи. Его члены наделялись необходимыми полномочиями, а указы императоров регулировали деятельность исключительно Общества, т. е. не предусматривали создание других подобных организаций. Значит, если бы по инициативе общества была создана организация со схожими функциями, она не имела бы соответствующих полномочий (например, по беспрепятственному посещению всех учреждений уголовно-исполнительной системы, на что имели право представители Общества) и, следовательно, не могла бы исполнять свои цели.

7 ноября 1851 г. был утвержден Устав Общества (далее – Устав), благодаря которому мы можем точно определить правовое положение Общества [13, с. 97–106], а также сопоставить его цели с достигнутыми к 1879 г. результатами.

Структура, согласно ст. 6 Устава, была следующей: все Общество, управляемое президентом, которого назначал император, делилось на структурные подразделения в губернских городах – женские и мужские комитеты, управляемые председательницами и вице-президентами. Их также назначал император. Структурной единицей системы были отделения в губернских и уездных городах, управляемые председательницами и председательствующими директорами, которых назначали президенты губернских обществ. Структура современного общественного совета схожа со структурой предшественника: совет также имеет структурные единицы в субъектах Российской Федерации.

Статья 19 Устава предусматривала «заботу об участии заключенных обоюбого пола, содействуя тому, чтобы заключение вело арестантов к нравственному исправлению, а не служило их ожесточению».

Финансовую основу, согласно ст. 49 Устава, составляли ассигнования государственного бюджета, взносы членов Общества, а также пожертвования из кружек, выставленных в тюрьмах.

Для достижения данных целей комитет, в соответствии со ст. 19, был наделен полномочи-

ями по надзору за соблюдением правил содержания заключенных тюремными смотрителями, правил христианского благочестия, правил соблюдения порядка христианских богослужений (ст. 19), снабжением осуждённых перед этапированием или заключением (ст. 23).

Император, создатель Общества, назначал на самые высокие должности его членов. Президент Общества, в соответствии со ст. 59, ежегодно предоставлял императору общий отчет, сформированный из отчетов по комитетам. Организация, в соответствии со ст. 33 Устава, имела печать с гербом Российской империи, контролируемый казначеем и исполняемый вице-президентами бюджет (ст. 50). Деятельность Общества представляет особый интерес, так как де-юре Общество было государственной организацией, а де-факто – общественной, так как преследовала отчасти благотворительные цели, за счет исполнения которых она существовала, а в ее состав входили лица, не являвшиеся государственными служащими.

Общество сразу после создания начало оправдывать ожидания императора, придавая пенитенциарной систем цивилизованный вид. Изначально ссыльным по Указу от 17 января 1818 г. № 27231 «ни кормовых, ни одежды – не полагалось» [12, с. 68]. Граф В. П. Кочубей после доклада президента Общества А. Н. Голицына ходатайствовал перед императором о материальном снабжении сосланных, на что император издал соответствующий указ, согласно которому государство обязывалось «выдавать кормовые, одежду и обувь за счёт казны». Именно так Общество попечительное о тюрьмах избавило осуждённых от побегов, совершения повторных преступлений, а может быть, и от смерти [6, с. 30–31]. Данное положение позже было отражено в Уставе о ссыльных 1822 г.

Также известно, что до 1863 г. ссыльные перед этапированием подвергались заковыванию в кандалы и последующему телесному наказанию. Неудивительно, что часто они умирали [14, с. 152–159]. Комитет, желая облегчить положение осуждённых, ходатайствовал перед столичным генерал-губернатором о замене используемых кандалов на другие, заковывание и нахождение в которых причиняло бы меньшие страдания. К сожалению, данное предложение не было воспринято [6, с. 260].

В Российской империи ссылка применялась по отношению к религиозным преступникам: согласно Уложению о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. она назначалась за агитацию отступления от христианства (ст. 190), вступление в брак с лицами нехристианского вероисповедания и последующее воспитание детей или супругов вне традиций христианства (ст. 192) и т. д. Силами Московского, Пермского, Тобольского и других обществ, по состоянию на

1854 г. добровольно обратились в христианскую религию 463 человека, а к 1836 г. в Сибири были учреждены молельные дома для лиц нехристианского вероисповедания. В Перми ссыльные получали книгу «Поучительные слова и беседы приходского священника к пересыльным арестантам», чтение которой помогало не падать духом.

С 1843 г. силами Общества была налажена бесплатная поставка книг в места отбывания наказания, в том числе и для каторжников, которые в свободное от работ время содержались в заключении в тюремном порядке.

Немало Общество работало и над вопросом о помиловании и пересмотре дел, в котором тоже добилось успехов: были освобождены несколько невинно осуждённых, а также несколько престарелых и отцов многодетных семей.

Комитеты помогали ссыльным денежными пособиями: по состоянию на 1860 г. Общество раздало пособия на сумму 70 222 руб. [6, с. 576–586].

Комитеты Общества сыграли главную роль в облегчении положения малолетних преступников. Уже в 1820 г., через год после образования Общества, комитет постановил: «Арестованных малолетних отделить от взрослых, учить грамоте и лёгкой работе, нанять трезвых мастеров для обучения сапожному ремеслу». Именно стараниями комитета была принята система смягчения наказаний в виде лишения свободы для лиц от 10 до 17 лет. В. Н. Никитин указывает, что «к 1869 г. мы видим детей, которые изначально содержались вместе с опасными преступниками, в заведении занимавшихся обучением: грамоте, Божьему закону, переплетному, сапожному и портняжному ремеслам. Учебные предметы преподавали священник, дьякон и учитель» [6, с. 277–280].

После окончания срока отбывания наказания перед осужденными не стоял вопрос о поиске места работы – члены Общества обеспечивали создание дополнительных рабочих мест на заводах и в рабочих домах.

В 1855 г., как отмечает Н. И. Петренко, Общество вошло в состав МВД, а министр стал занимать пост президента Общества. Тем не менее роль Общества как борца за приемлемые условия содержания осужденных была закреплена законодательно: согласно ст. 16 Устава о содержащихся под стражей, Общество брало на себя функцию «попечения о местах заключения гражданского ведомства и об улучшении как нравственного, так и физического состояния содержащихся в оных арестантов» [10, с. 202].

Можно долго перечислять достижения Общества, но суть его деятельности сводится к одному – облегчение положения осужденных осуществлялось системно, многосторонне: общество инициировало принятие нормативных правовых актов, в которых смягчалось исполнение наказаний, оно заботилось об образовании (со-

здавая библиотеки), духовном воспитании (организовывая встречи со священниками, снабжая осуждённых церковной книгой), оказывало юридическую помощь (добиваясь смягчения наказания, а иногда и признания невинности осужденного), а также материальную.

Анализ деятельности современных общественных советов приводит к выводу о том, что их работа осуществляется бессистемно: члены Совета могут реагировать только на факт нарушения прав и законных интересов осужденных со стороны органов, исполняющих наказание. На официальном сайте Общественного совета нет информации о борьбе с одной из главных проблем – заболеваемостью осужденных. Интересно и то, что содействие в социальной реабилитации лиц, отбывших наказание в виде лишения свободы, является, согласно Положению, правом, а не обязанностью.

Как справедливо отмечает Ю. В. Баранов, «чем выше уровень адаптации заключенного к условиям пенитенциарного учреждения, тем ниже вероятность его нормальной реинтеграции в последующем в общество» [2, с. 136]. Следовательно, необходимо создание условий отбывания наказания, которые будут способствовать исправлению осужденного, а Общественный совет должен этому способствовать.

В дореволюционный период попечительное общество оказывало системную и всестороннюю помощь (трудоустройство, предоставление жилья, орудий труда, материальной, духовной и юридической помощи) как осужденным, так и освобожденным из мест заключения. В настоящее время эти функции выполняют как общественные советы, так и государственные органы: уголовно-исполнительные инспекции, комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, подразделения по делам несовершеннолетних органов внутренних дел.

Что касается заимствования опыта для повышения эффективности осуществления патронажа над несовершеннолетними, «не следует забывать, что основы характера, жизненные установки и ценности закладываются в семье, имен-

но в раннем возрасте прививаются основные моральные требования, правила поведения и приличия» [5, с. 69–70]. Так как большое количество малолетних осужденных – выходцы из неблагополучных семей, необходим комплекс мер, направленных на поддержку малоимущих ячеек общества, снижение контактов несовершеннолетних с представителями и потребителями плодов девиантной субкультуры. Это важная часть деятельности комиссий по делам несовершеннолетних в части профилактики детских правонарушений.

Таким образом, несмотря на наблюдаемую тенденцию к снижению числа как совершеннолетних, так и несовершеннолетних осужденных в России (с 887,8 тыс. человек в 2008 г. до 646,3 в 2016 г.), количество осужденных рецидивистов выросло (с 132,9 тыс. чел. в 2005 г. до 207,9 тыс. чел. в 2014 г.). При общем снижении количества осужденных увеличилось число осужденных за такие преступления, как убийство (с 121 тыс. чел. в 2006 г. до 144 тыс. в 2015) [15]. Снижение общего числа осужденных говорит, скорее, о повышении уровня жизни населения в государстве, а увеличение количества рецидивистов и убийц – о неудовлетворительной работе уголовно-исполнительной системы. Следовательно, Общественный совет при Федеральной службе исполнения наказаний по проблемам деятельности уголовно-исполнительной системы остро нуждается в заимствовании исторического опыта для получения более эффективных результатов деятельности. Вся работа должна быть направлена как на нравственное исправление преступников, подразумевающее уважение правил жизни в социуме, изменение искаженных ценностных ориентаций, обуславливающих правонарушения, так и на юридическое исправление, включающего в себя формирование позитивного отношения к государственным органам, праву, замену противоправного поведения на правомерное привычное или даже законопослушное. Для этого возможно создание структуры, подобной Обществу попечительному о тюрьмах.

Список литературы

1. Андреева Ю. В. Участие Общества попечительного о тюрьмах и других организаций патронажа в деятельности уголовно-исполнительной системы России / Ю. В. Андреева // Вестн. КрасГАУ. – 2012. – № 5. – С. 437–443.
2. Баранов Ю. В. Система стадий ресоциализации осужденных к лишению свободы и освобождённых от этого наказания / Ю. В. Баранов // Актуал. проблемы экон. и права. – 2007. – № 1. – С. 135–140.
3. Гернет М. Н. История царской тюрьмы: в 5 т. Т. 2: История царской тюрьмы / М. Н. Гернет. – 2-е изд., доп. и пересмотр. – М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1951. – 547 с.
4. Концепция развития уголовно-исполнительной системы: распоряжение Правительства Российской Федерации от 14 окт. 2010 г. № 1772-р // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]: справочная правовая система.
5. Мельникова М. В. Тюремный патронаж над несовершеннолетними правонарушителями / М. В. Мельникова, А. В. Бебенин // Вестн. Самар. юрид. ин-та ФСИН России. – 2013. – № 2 (10). – С. 69–74.
6. Никитин В. Н. Тюрьма и ссылка: 1560–1880 г. / В. Н. Никитин. – Спб.: [Б. и.], 1880. – 674 с.

7. О федеральном бюджете на 2015 г. и на плановый период 2016 и 2017 гг. : федер. закон от 1 дек. 2014 г. № 384-ФЗ (в ред. от 28.11.2015) // КонсультантПлюс [Электронный ресурс] : справочная правовая система.
8. О федеральном бюджете на 2016 г. [Электронный ресурс] : федер. закон от 14 дек. 2015 г. № 359-ФЗ (в ред. от 22.11.2016) // КонсультантПлюс [Электронный ресурс] : справочная правовая система.
9. О федеральном бюджете на 2017 г. и на плановый период 2018 и 2019 гг. : федер. закон от 19 дек. 2016 г. № 415-ФЗ (в ред. от 19.12.2016) // КонсультантПлюс [Электронный ресурс] : справочная правовая система.
10. Петренко Н. И. Влияние Общества попечительного о тюрьмах на отечественную пенитенциарную систему в первой половине XIX в. / Н. И. Петренко, И. А. Никифорова // Пробелы в российском законодательстве. – 2011. – № 4. – С. 200–203.
11. Положение об общественном совете при Федеральной службе исполнения наказаний по проблемам функционирования уголовно-исполнительной системы : приказ ФСИН от 1 окт. 2013 г. № 542 // КонсультантПлюс [Электронный ресурс] : справочная правовая система.
12. ПСЗ. Собр. 1-е. – Т. 35: 1818. – СПб., 1830. – 672 с.
13. ПСЗ. Собр. 2-е. – Т. 26, ч. 2: 1851. – СПб., 1852. – 213 с.
14. Сергеевский Н. Д. Наказание в русском праве XVII в. / Н. Д. Сергеевский. – СПб. : [Б. и.], 1887. – 300 с.
15. Статистические данные (характеристика лиц, содержащихся в исправительных колониях для взрослых) [Электронный ресурс] // Федер. служба исполнения наказаний : офиц. сайт. – URL: [http://fsin.su/structure/inspector/iao/statistika/Xar-ka %20lic %20sodergahixsya %20v %20IK/](http://fsin.su/structure/inspector/iao/statistika/Xar-ka%20lic%20sodergahixsya%20v%20IK/) (дата обращения 14.04.2017).
16. Суховаров К. С. Наказание ссылкой в качестве альтернативы лишению свободы / К. С. Суховаров // Ист. государства и права. – 2012. – № 20. – С. 11–14.
17. Ядринцев Н. М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении / Н. М. Ядринцев. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб. : [Б. и.], 1892. – 720 с.

М. О. Pyankov

1st Year Student, Irkutsk Law Institute, Russian Academy of General Prosecutor's Office

**Reflection of Historical Experience in Russia in the Sphere of Protection of Rights
and Legal Interests of Condemned**

Abstract. In the article legal status Keeping synod of prisons is analyzed. In addition activities of Public association of the Federal service of execution of punishments is compared with its prototype in XIX century. Assessment of the functioning of the penitentiary system of modern Russia and Russian Empire in the XIX century is provided. Besides positive aspects of the work of the Keeping synod of prisons is specified. It can be used in this area at a present stage. Author of the article referred to statistics as evidence.

Keywords: Public association of the Federal service of execution of punishments, Keeping synod of prisons, protection of the rights of prisoners, prison patronage of minors

К вопросу о проблематике расследования умышленного повреждения транспортного средства

© Федосеев Р. С., Ногина Ю. А., 2017

Р. С. Федосеев, Ю. А. Ногина

студенты 3-го курса, Юридический институт, Иркутский государственный университет
e-mail: business.fedosееv@gmail.com; nogina96@bk.ru

Научный руководитель:

И. А. Фомина, кандидат юридических наук, доцент кафедры судебного права, Юридический институт, Иркутский государственный университет
e-mail: iafomina@mail.ru

Аннотация. Анализируется ряд актуальных практических проблем, возникающих при расследовании в соответствии с ч. 1 ст. 167 УК РФ умышленного повреждения транспортного средства. Авторами предлагаются общие рекомендации и формулируются конкретные пути решения данных проблем.

Ключевые слова: умышленное повреждение чужого имущества, транспортное средство, методика расследования, доказательства, следственные действия, судебная экспертиза, субъект расследования.

В современных условиях стремительного роста числа автовладельцев, зачастую характеризующихся низким уровнем правовой культуры, практически повсеместное распространение получает такое социальное явление, которое в народе именуется емко и лаконично – «дорожные войны». Пожалуй, главным их негативным проявлением стало умышленное повреждение одним из таких «водителей-воителей» транспортного средства (в частности, автомобиля) другого участника дорожного движения. Подобное действие охватывается преступным составом, закрепленным ч. 1 ст. 167 УК РФ, при том условии, что оно повлекло причинение значительного ущерба, который, к слову, в соответствии с примечанием к ст. 158 УК РФ определяется с учетом имущественного положения лица и при этом не может составлять менее 5 тыс. руб. [1]. Практикующими юристами отмечается, что в общей массе преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 167 УК РФ, достаточно высоко число преступлений, где объектом преступного посяательства является автомобильный транспорт [3]. Расследование по указанной категории дел в основном осуществляют дознаватели ОВД, но в некоторых случаях и следователи [2].

В силу высокой общественной опасности, латентности умышленных уничтожения или повреждения чужого имущества [7], неслаженной работы правоохранительных органов, недостаточного уровня методического обеспечения субъектов расследования и ряда других причин на сегодняшний день в изучаемой сфере наличествуют различные проблемы, что обуславливает необходимость подготовки научно обоснованных предложений по совершенствованию деятельности различных субъектов в этой области [4, с. 4]. Такие предложения в рамках настоящей работы мы и постараемся сформулировать.

Перейдем к конкретным проблемам, сложившимся при расследовании умышленного повреждения транспортного средства.

1. Определение повреждений автомобильного транспорта в ходе осмотра места происшествия и закрепление следов преступления при производстве первичных следственных действий.

На практике случаются такие ситуации, при которых дознаватель или следователь, осуществляя на первоначальном этапе проверки сообщения о преступлении осмотр автомобиля, находящегося на месте происшествия, не привлекает для участия в нем эксперта. Однако последний должен принимать обязательное участие в данном следственном действии, так как он способен оказать дознавателю (следователю) помощь при формулировании выводов о характерных особенностях повреждения автомобильного транспорта, подлежащих занесению в протокол осмотра места происшествия [3]. Кроме названных причин, потребность участия в осмотре эксперта обусловлена тем, что такой специалист произведет фиксацию повреждений посредством фото- или видеосъемки. Это особо актуально в тех случаях, когда пострадавшие от преступления собственники автотранспортных средств самостоятельно осуществляют их ремонт еще до возбуждения уголовного дела, практически сразу после преступного акта. В указанных обстоятельствах на помощь и приходят фото- и видеоматериалы, которые будут недвусмысленно удостоверить в суде факт совершенного преступления [3].

2. Установление размера ущерба при обосновании наличия или отсутствия факта причинения значительного ущерба гражданину в результате повреждения его транспортного средства.

Учитывая разъяснения, данные в утратившем ныне силу Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 25 апреля 1995 г. № 5 «О некоторых вопросах применения судами законодательства об ответственности за преступления против собственности», можно заключить, что, определяя размер ущерба, следует исходить, в зависимости от обстоятельств приобретения собственником автотранспортного средства, из цен на момент совершения преступления. А при отсутствии цены стоимость имущества должна определяться на основании заключения экспертов. Однако мы считаем, что для объективного установления имеющих значение для дела обстоятельств разумным будет назначение проведения экспертизы для определения размера ущерба в результате повреждения транспортного средства лица по каждому делу, так как в подобных случаях требуется наличие специальных познаний.

При этом практики в области следствия и дознания подчеркивают, что субъекты расследования в обязательном порядке обязаны назначать и проводить именно товароведческую экспертизу [3].

Анализируя уголовные дела по ч. 1 ст. 167 УК РФ, помимо банальной безграмотности в постановке эксперту вопросов (формулирование таких вопросов, которые никак не относятся к предмету доказывания), мы выявили случаи, в которых дознаватель назначал не товароведческую, а автотехническую экспертизу. В соответствии с заключением по автотехнической экспертизе экспертом использовались некорректные терминология и формулировки. Так, по одному из дел были установлены не повреждения, а неисправности, поэтому дознаватель резюмировал, что в таком случае дело подлежит прекращению ввиду отсутствия повреждений. Однако в действительности имели место именно повреждения вследствие столкновения автомобилей, но в силу специфики понятийного аппарата эксперт-автотехник констатировал наличие неисправности, а не повреждения, что послужило, по мнению дознавателя, формальным поводом к прекращению дела.

В качестве еще одной распространенной проблемы нами выявлено несвоевременное назначение субъектом предварительного расследования экспертизы, которую, как представляется, по данной категории дел уместно назначать в самом начале, в первые дни расследования. Однако по одному из дел она была назначена лишь через пять месяцев после возбуждения уголовного дела, что повлекло за собой неоправданное затягивание процесса расследования. Добавим, что такая необоснованная задержка была аргументирована дознавателем тем, что не было необходимости в производстве какой бы то ни было экспертизы, так как достаточно было про-

сто предоставить чеки, подтверждающие цену на запасные части. Очевидность ошибочности такого рода доводов неоспорима. Хотя бы потому, что в разных специализированных организациях на определенные детали автомобиля будет установлена разная цена.

Также имели место случаи, когда дознаватель предлагал потерпевшему самому оплатить экспертизу, мотивируя это тем, что последнему либо придется неопределенный период времени ждать назначения и производства экспертизы, либо по своей инициативе и за свой счет в любое время воспользоваться услугами специалиста (эксперта), тогда ничего потерпевшему возмещаться не будет, так как будет иметь место его инициативное волеизъявление, т. е. потерпевший в добровольном порядке не стал дожидаться назначения экспертизы, финансируемой из государственного бюджета. Объективности ради стоит сказать, что такие ситуации иногда возникают не только по причине нерадения и злоупотребления субъектами расследования своими полномочиями, но также и в силу недостатка в квалифицированных специалистах, могущих осуществить производство экспертизы, а также значительного периода времени, требуемого для ожидания эксперта государственного экспертного учреждения. Однако факт остается фактом: когда потерпевший проявлял настойчивость и неуклонность, отказываясь от оплаты экспертизы из собственного кармана, и при этом параллельно писал жалобы на безосновательное затягивание сроков предварительного расследования – экспертиза назначалась и проводилась гораздо быстрее.

Кроме этого, нами выявлены различные подходы к оценке значительности стоимости ущерба вследствие повреждения автотранспортного средства. Так, в одних случаях при оценке имущественного положения следователь (дознаватель) учитывал размер заработной платы (пособий, пенсий и иных выплат), наличие кредитов, ипотек, текущих платежей (коммунальных и прочих), а в других названные обстоятельства не учитывалось (полностью либо в части). В связи с этим представляется архиважной необходимость разработки единых критериев, позволяющих в каждом конкретном случае определить наличие или отсутствие значительного ущерба.

Рассматривая проблему установления величины ущерба при повреждении чужого имущества, стоит отметить, что в юридических источниках по этому поводу выделяется два основных подхода [5].

Первый подход сводится к тому, что умышленное повреждение чужого имущества рассматривается как уничтожение определенной составной части сложной вещи. В таком случае размер причиненного ущерба определяется исходя из стоимости поврежденной детали. При

этом стоимость работ по восстановлению сложной вещи в целом не учитывается.

Более предпочтительным представляется второй подход, согласно которому умышленное повреждение чужого имущества признается повреждением сложной вещи целиком. При таком раскладе величина причиненного ущерба может быть определена как совокупность стоимости поврежденных деталей и стоимости работ по их установке, что, в частности, соответствует ГК РФ¹ и разъяснениям, данным в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 5 июня 2002 г. № 14 «О судебной практике по делам о нарушении правил пожарной безопасности, уничтожении или повреждении имущества путем поджога либо в результате неосторожного обращения с огнем»² и Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»³.

Заметим, что суды следуют именно второму подходу в вопросе определения значительности ущерба. Кроме того, факт самостоятельно осуществленного ремонта поврежденного транспортного средства не рассматривается судами как основание исключения стоимости данного ремонта из общей суммы причиненного ущерба [5].

3. Производство следователем или дознавателем следственных и иных процессуальных действий без наличия существенных к тому оснований.

В частности, нами было обнаружено назначение очной ставки без наличия существенных противоречий, так сказать, «для галочки». В правовой литературе отмечается, что причины появления существенных противоречий могут быть различными – от добросовестного заблуждения до сознательного искажения сведений о

произошедших ранее событиях. Если противоречия в показаниях ранее допрошенных лиц не являются существенными, то отсутствуют основания для производства очной ставки. В таком случае необходимые сведения об обстоятельствах могут быть уточнены путём проведения дополнительного допроса этих лиц [6].

Подводя итог настоящей работы, согласимся с тем, что грамотное использование субъектом расследования процессуальных и криминалистических аспектов методики расследования преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 167 УК РФ, безусловно, будет способствовать полному и всестороннему расследованию уголовного дела и рассмотрению его в суде [3].

Мы, в свою очередь, считаем весьма действенными – в целях своевременного и объективного рассмотрения уголовных дел (в том числе возбужденных по ч. 1 ст. 167 УК РФ) следователями и дознавателями – способами, во-первых, изготовление и издание кратких учебно-практических пособий или же, что проще, брошюр, которые будут обязательны для ознакомления и изучения всеми следователями и дознавателями; во-вторых, (нам представляется это лучшим вариантом) разработка совместного акта (приказа) СК РФ и МВД РФ с закреплением пошаговых действий следователя и дознавателя и определением рекомендательных сроков, в течение которых надлежит осуществить указанные действия.

Думается, что эти и иные меры, обозначенные в настоящей работе, будут способствовать оптимизации процесса предварительного расследования, а также отчасти благоприятствовать постепенному сведению на нет волокиты и безосновательного затягивания процессуальных сроков.

¹ В п. 2 ст. 15 ГК РФ «под убытками понимаются расходы, которые лицо, чье право нарушено, произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права, утрата или повреждение его имущества (реальный ущерб), а также неполученные доходы, которые это лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено (упущенная выгода)». В ст. 134 ГК РФ закреплено, что «действие сделки, совершенной по поводу сложной вещи, распространяется на все входящие в неё вещи, поскольку условиями сделки не предусмотрено иное».

² В абз. 3 п. 6 данного Постановления рекомендовано, что «при решении вопроса о том, причинен ли значительный ущерб собственнику или иному владельцу имущества, следует исходить из стоимости уничтоженного имущества или стоимости восстановления поврежденного имущества, значимости этого имущества для потерпевшего, например в зависимости от рода его деятельности и материального положения либо финансово-экономического состояния юридического лица, являвшегося собственником или иным владельцем уничтоженного либо поврежденного имущества».

³ В абз. 1 п. 13 указанного Постановления сказано, что «при разрешении споров, связанных с возмещением убытков, необходимо иметь в виду, что в состав реального ущерба входят не только фактически понесенные соответствующим лицом расходы, но и расходы, которые это лицо должно будет произвести для восстановления нарушенного права».

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 7 февр. 2017 г.) // Собр. законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
2. Алексеев И. М. К вопросу о понятии уголовно-процессуальной формы / И. М. Алексеев // Вестн. Калининград. филиала Санкт-Петерб. ун-та МВД России. – 2014. – № 1 (35). – С. 67–70.
3. Рудов Д. Н. Процессуальные и криминалистические аспекты расследования умышленного повреждения автомобильного транспорта / Д. Н. Рудов, И. Н. Озеров // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2015. – № 1. – С. 67–70.
4. Семенов Г. М. Криминологическая характеристика и предупреждение умышленного уничтожения или повреждения чужого имущества : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Г. М. Семенов. – Волгоград, 2014. – 177 с.
5. Тюнин В. И. Умышленное уничтожение или повреждение имущества, повлекшие причинение значительного ущерба потерпевшему (ч. 1 ст. 167 УК РФ) / В. И. Тюнин, Ю. И. Степанов, Т. А. Огарь // Уголов. право. – 2016. – № 3. – С. 78–85.
6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : постат. науч.-практ. коммент. Гл. 1–32.1 / отв. ред. Л. А. Воскобитова. – М. : Рос. газ., 2015. Вып. 3–4. – 912 с.
7. Шкеле М. В. Умышленное уничтожение или повреждение имущества: уголовно-правовая характеристика / М. В. Шкеле // Уголовному кодексу РФ 15 лет: достижения, проблемы, тенденции : сб. науч. ст. – СПб., 2012. – С. 196–202.

R. S. Fedoseev, Y. A. Nogina

3rd Year Student, Law Institute, Irkutsk State University

On the Issue of the Investigation of Intentional Damage to a Vehicle

Abstract. The article analyzes a number of actual practical problems arising during the investigation in accordance with Part 1 of Art. 167 of the Criminal Code of the Russian Federation for intentional damage to the vehicle. The authors offer general recommendations and formulate concrete ways to solve these problems.

Keywords: intentional damage to someone else's property, vehicle, investigation technique, evidence, investigative actions, judicial examination, the subject of investigation.

Актуальные проблемы назначения многообъектных судебно-почерковедческих экспертиз и пути их решения

© Фоминых А. В., 2017

А. В. Фоминых

студентка 4-го курса, Юридический факультет, Бурятский государственный университет
e-mail: nastix.fominix@yandex.ru

Научный руководитель:

Н. И. Шаликова, старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики, Юридический факультет, Бурятский государственный университет
e-mail: nata.tasha2011@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются основные проблемы назначения многообъектных судебно-почерковедческих экспертиз, а также представлены рекомендации, которые позволят практическим работникам получить категорические выводы эксперта.

Ключевые слова: назначение экспертиз, многообъектная судебно-почерковедческая экспертиза, рекомендации для практических работников.

В настоящее время судебно-почерковедческая экспертиза представляет собой наиболее распространенный вид криминалистического исследования и имеет важное доказательственное значение для раскрытия и расследования преступлений. По данным ЭКЦ МВД России, экспертными подразделениями органов внутренних дел России за 2006–2014 гг. было выполнено 980 130 судебно-почерковедческих экспертиз и исследований [7, с. 3].

По данным ЭКЦ МВД России по Республике Бурятия, в 2015 г. проведено 80 многообъектных судебно-почерковедческих экспертиз, а в 2016 г. – 102. Результаты анализа статистических данных демонстрируют наметившуюся тенденцию к увеличению количества назначаемых и проводимых судебно-почерковедческих экспертиз, в том числе многообъектных, которые, как правило, назначаются по уголовным делам о преступлениях экономической направленности.

По вопросам организации и проведения многообъектных судебно-почерковедческих экспертиз нами проводилось анкетирование экспертов ЭКЦ МВД России по Республике Бурятия, в результате выяснилось, что количество многообъектных судебно-почерковедческих экспертиз, выполняемых в подразделениях ЭКЦ МВД России по Республике Бурятия, по отношению к малообъектным в процентном соотношении составляет 30 % на 70 %.

Анализ научной литературы и экспертной практики позволяет прийти к выводу о том, что на сегодняшний день ее организационно-тактические основы являются наименее разработанной областью судебного почерковедения.

Так, особое внимание в работах многих авторов уделяется организационным аспектам назначения многообъектных судебно-почерковедческих экспертиз [5, с. 87, 88]. Вместе с тем, представляется, в настоящее время назре-

ла объективная необходимость в теоретической разработке организационно-тактических основ рассматриваемого вида экспертиз, что, на наш взгляд, позволит обеспечить эффективное взаимодействие следственных и экспертных органов в процессе их назначения и производства.

В ходе анкетирования большинство экспертов отметили, что на практике им нередко приходится сталкиваться с неквалифицированным подходом сотрудников, назначающих производство экспертиз.

В целях выявления типичных проблем, возникающих при назначении многообъектной судебно-почерковедческой экспертизы, представляется необходимым прежде обозначить ряд общетеоретических аспектов назначения судебных экспертиз.

Тактика назначения судебной экспертизы, как и любого другого следственного действия, состоит из трех этапов: подготовительного, рабочего, заключительного.

Подготовительный этап заключается в организационном и тактическом обеспечении производства следственного действия. На данном этапе принимается решение о назначении экспертизы, определяются и систематизируются объекты, образцы для сравнительного исследования, а также устанавливаются дополнительные сведения, необходимые для ее назначения и производства, определяется экспертное учреждение или лицо, которому поручается ее производство.

Рабочий этап назначения судебной экспертизы складывается из нескольких имеющих тактические особенности элементов, перечень которых, закреплен в ст. 195, 197, 199 УПК РФ [4, с. 404].

В соответствии со ст. 195 УПК РФ, если следователь признает необходимость назначения

экспертизы, то он выносит постановление, в котором указываются:

- 1) основания назначения судебной экспертизы;
- 2) фамилия, имя и отчество эксперта или наименование экспертного учреждения, в котором должна быть произведена судебная экспертиза;
- 3) вопросы, поставленные перед экспертом;
- 4) материалы, предоставляемые в распоряжение эксперта [4].

Очень важным компонентом данного этапа назначения судебной экспертизы является формулировка следователем вопросов, ставящихся на разрешение экспертов. Кроме того, особое внимание следует уделять качеству подготовки материалов, передающихся в экспертные учреждения для исследования.

Заключительный этап назначения экспертизы состоит из анализа поступившего экспертного заключения и ознакомления с ним обвиняемого.

Анализ экспертной практики ЭКЦ МВД России по Республике Бурятия позволил выявить ряд проблем, возникающих при назначении многообъектных судебно-почерковедческих экспертиз.

В числе типичных ошибок, допускаемых должностными лицами, при назначении рассматриваемого вида экспертиз, в частности, следует выделить:

- 1) несоответствие документов, описанных в постановлении (определении) органа или лица, ее назначившего, и фактически представленных на экспертизу;
- 2) поставленные на разрешение вопросы выходят за пределы компетенции эксперта;
- 3) непригодное качество, недостаточное количество образцов для сравнительного исследования;
- 4) предоставление копий документов;
- 5) при представлении большого количества исследуемых объектов, отсутствует их группировка, а по каждому отдельному объекту формулируется новый вопрос, что приводит к громоздкости и большому объему заключения.

Следует отметить, что это далеко не все проблемы, с которыми приходится сталкиваться при назначении многообъектных судебно-почерковедческих экспертиз.

В целях решения обозначенных проблем представляется необходимым сформулировать ряд специальных рекомендаций, что, по нашему мнению, будет способствовать оптимизации процесса назначения экспертиз и повышению качества ее производства.

Во-первых, необходимо обеспечить правильное хранение объектов почерковедческой экспертизы, так как они являются вещественными доказательствами. В частности, следует избегать порчи документов (не сгибать, не рвать, не пачкать, исключить воздействие окружающей среды) и их утраты.

Во-вторых, при выборе экспертного учреждения, на наш взгляд, целесообразно проконсультироваться с руководителями экспертных подразделений, что позволит выбрать эксперта, обладающего наиболее подходящими личными и профессиональными качествами.

В-третьих, при подготовке почерковых объектов и образцов для сравнительного исследования необходимо осуществлять их систематизацию, это позволит эксперту оптимально изучить представленные объекты. Критериями систематизации могут служить: категории множества рукописей, характер и вид документов, вид рукописи, место расположения исследуемых почерковых объектов в документе, дата выполнения документов, характер рукописей.

В-четвертых, при вынесении постановления, а именно при постановке вопросов, следует учитывать правила, сложившиеся на практике. Вопросы эксперту должны быть предельно конкретными и недвусмысленными, не выходить за пределы его компетенции. В них должны содержаться полностью фамилии, имена, отчества проверяемых лиц, наименование подлежащего исследованию документа, месторасположение почеркового объекта на бланке документа. Следует помнить, что в случае необходимости эксперт имеет право изменить редакцию вопросов, не изменяя их смысл [2, п. 30].

В-пятых, необходимо правильно упаковывать материалы многообъектной судебно-почерковедческой экспертизы. Документы следует хранить в бумажных конвертах соответствующего размера. На лицевую сторону конверта необходимо наносить пояснительную надпись, указывающую на его содержимое. Если направляемых на исследование документов достаточно много, целесообразно использовать различные коробки, которые в свою очередь также должны быть опечатаны и сопровождаться пояснительными записями.

В завершение отметим, что, следуя указанным рекомендациям при подготовке и назначении многообъектных судебно-почерковедческих экспертиз, можно достичь их эффективных результатов.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 07.03.2017) // Рос. газ. – 2001. – № 249.
2. Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 29 июня 2005 г. № 511 (в ред. от 27.10.2015) // Рос. газ. – 2005. – № 191.
3. Винберг Л. А. Почерковедческая экспертиза: учебник для вузов МВД СССР / Л. А. Винберг, М. В. Шванкова. – Волгоград : ВСШ МВД СССР, 1977. – 174 с.

4. Мозяков В. В. Руководство для следователей / под общ. ред. В. В. Мозякова. – М. : Экзамен, 2005. – 912 с.
 5. Судебно-почерковедческая экспертиза. Общая часть: метод. пособие для экспертов, следователей, судей / под общ. ред. В. Ф. Орловой. – М. : ВНИИСЭ, 1989. Вып. 2. – 128 с.
 6. Судебно-почерковедческая экспертиза: общая часть: теория и методические основы / под науч. ред. В. Ф. Орлова ; Гос. учреждение Рос. федер. центр Судеб. экспертизы при Минюсте России. – 2-е изд., переаб. и доп. – М. : Наука, 2006. – 544 с.
 7. Диденко О. А. Совершенствование теории и практики многообъектной судебно-почерковедческой экспертизы : дис. ... канд. юрид. наук / О. А. Диденко. – Волгоград, 2015. – 226 с.
-

A. V. Fominykh

4th Student, Faculty of Law, Buryat State University

Actual Problems of the Appointment of Multi-Object Forensic Handwriting Examinations and Ways to Solve Them

Abstract. The article considers the main problems of assigning multi-object forensic handwriting examinations, as well as recommendations that will allow practical workers to receive expert conclusions.

Keywords: appointment of examinations, multi-object forensic handwriting examination, recommendations for practical workers

Г. А. Холмогорова

студентка 2-го курса, Байкальский государственный университет
e-mail: kholmogorova_2015@mail.ru

Научный руководитель:

И. В. Смолькова, профессор кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора, Байкальский государственный университет
e-mail: kupik@isea.ru.

Аннотация. Анализируется исторический опыт функционирования института судебных следователей. Автором подчеркнуты современные проблемы процессуального положения следователя, даны рекомендации по совершенствованию действующего уголовно-процессуального законодательства.

Ключевые слова: процессуальный статус следователя, судебный следователь, уголовное преследование, сторона обвинения.

Идея создания института судебных следователей возникла еще в дореволюционный период России. Данный институт явился важнейшим направлением судебной реформы XIX в. и был подробно регламентирован Судебным уставом 1864 г. Судебный следователь, назначаемый министром юстиции, выступал в качестве представителя судебной власти. Перед судебными следователями была поставлена задача осуществления предварительного расследования преступлений и иных противоправных действий, за совершение которых предусматривалось наказание в виде лишения свободы либо иное, более жесткое наказание.

Законность следственных действий в соответствии ст. 262 Устава уголовного судопроизводства обуславливало наличие законного и достаточного к тому повода [2]. Законным побуждением начала расследования в соответствии со ст. 297 Устава уголовного судопроизводства признавались: объявления и жалобы частных лиц; сообщения полиции, присутственных мест и должностных лиц; явка с повинной; возбуждение дела прокурором; возбуждение дела по непосредственному усмотрению судебного следователя. Начало следствия, инициированное следователем самостоятельно, должно было быть согласовано с прокурором [2].

Передача предварительного следствия по уголовным делам от полиции к особым судебным сановникам – «судебным следователям» была обусловлена необходимостью упрощения функций полиции, а также уточнения компетенции и границ ее полномочий.

Выделение предварительного следствия из функций полиции, в компетенции которой оставалось осуществление дознания по малозначительным преступлениям, представляло собой серьезное движение к судебной реформе в широком ее понимании. В очерке «Судебные следователи» А. Ф. Кони отмечал, что новая должность судебных следователей, не имеющая орга-

нической связи с полицией, имела свои преимущества, поскольку следователь был наделен значительным объемом прав и обязанностей, стал играть во многих отношениях роль суверенного судьи, получив в ряде случаев право не разделять позицию обвинительной власти, когда он с ней был не согласен [8].

Судебные следователи были членами окружных судов и осуществляли расследования под надзором прокурора преступления, совершенные на территории их следственных участков, как правило уездов. При назначении впервые на эту должность следователи приносили особую присягу, которая отражала распростиравшийся на них принцип несменяемости.

Обладая правами членов окружных судов, следователи имели возможность участвовать в судебном разрешении дел, исключая те, по которым осуществлялось предварительное следствие. Должность судебного следователя могли занять лица, достигшие возраста двадцати пяти лет, имеющие высшее юридическое образование либо «доказавшие на службе свои познания по судебной части» [2].

Так, Устав уголовного судопроизводства регламентировал широкий круг процессуальных полномочий судебных следователей, в том числе права: самостоятельно возбуждать уголовное преследование, принимать необходимые для расследования меры и поручать полиции производство дознаний и давать ей указания о собирании необходимых справок. Реализация указанных полномочий обуславливала право судебного следователя производить обыски и выемки, накладывать на не явившихся без уважительных причин денежный штраф, подвергать приводу, избирать в отношении обвиняемых меры пресечения и т. п.

Законные требования следователя были обязательными для исполнения полицией, а также иными учреждениями, должностными лицами и гражданами «без замедления». При оказании

следователю противодействия последний мог требовать помощи как от гражданского или военного начальства, так и от полиции.

Процессуальная вольность судебного следователя имела ограничения. Законность производства им ряда процессуальных действий представлялась возможной только после предварительного обращения с соответствующим представлением в окружной суд. Указанная процедура предусматривалась при производстве следующих действий: 1) наложении ареста на имущество обвиняемого; 2) осмотре и выемке почтовой телеграфной корреспонденции; 3) объявлении розыска обвиняемого через публикацию; 4) освидетельствовании психического состояния обвиняемого и разрешении вопроса об умственном развитии несовершеннолетнего; 5) прекращении уголовного дела [8, с. 8].

Существует мнение, что образцом судебной реформы 1864 г. был наполеоновский Кодекс уголовного следствия 1808 г., где узловой фигурой предварительного следствия выступал именно следственный судья. В понимании правоведов того периода понятие предварительного следствия было органически связано с судебным элементом. О предварительном следствии могла идти речь лишь только при участии в нем следственного судьи. Предварительное следствие также является частью уголовного судопроизводства и должно осуществляться с соблюдением принципов состязательности и равенства сторон. Именно на этой стадии может формироваться подлинная доказательственная база, которая впоследствии позволит суду установить обстоятельства дела при его разрешении [3–5]. Все процессуальные действия, предшествующие следствию, совершаются на стадии дознания и представляют собой синтез полицейской и административной деятельности. Доказательств такая деятельность не формирует, а лишь готовит для их получения предварительную информацию.

По мнению И. Я. Фойницкого, «судебные следователи... есть особые должностные лица судебного ведомства, имеющие судейское звание с сопряженными с ним служебными преимуществами» [9]. Судебный следователь осуществлял функции «обвинения, защиты и собственно судейские».

Институт судебных следователей просуществовал в России до Великой Октябрьской социалистической революции, однако суждения о возможности возобновлении деятельности данного института не теряют своей актуальности до настоящего времени. В соответствии с положениями гл. 6 УПК РФ следователь относится к стороне обвинения, что противоречит принципу состязательности сторон в уголовном процессе.

Внесение института судебного следователя в структуру уголовного производства современной России является необходимым шагом для

увеличения качества предварительного расследования. Сегодня следователь, осуществляющий предварительное расследование в пределах своих полномочий, не способен в полном объеме осуществлять защиту прав и законных интересов обвиняемого, поскольку его деятельность носит обвинительный уклон.

Безусловно, Россия, как современное правовое государство, заинтересована в объективном и справедливом разрешении судебных дел, поскольку берет на себя ответственность за вред, причиненный лицу вследствие незаконного или необоснованного уголовного преследования и/или осуждения. УПК РФ предусматривает право на реабилитацию, которое включает в себя право на возмещение имущественного вреда, компенсацию морального вреда и восстановление иных прав, в том числе трудовых, пенсионных, жилищных. Указанное право предусматривает последствия от незаконного или необоснованного обвинения государственными органами (следствием либо судом). Однако государство, неся бремя ответственности за действия своих органов, не обеспечивает органы, осуществляющие судопроизводство по уголовным делам, должностным лицом, компетентным оценивать собранные по делу доказательства в пользу защиты обвиняемого.

Действующее уголовно-процессуальное законодательство возлагает на следователя обязанность в предусмотренные законом сроки осуществить сбор доказательств для дальнейшего направления уголовного дела в суд. Перед следователем стоит задача установить обстоятельства совершения преступления, основываясь на собранных доказательствах, которые также необходимы для обоснованного обвинения лица, совершившего преступления.

Ранее судебный следователь, осуществляя предварительное следствие, должен был установить как обстоятельства, уличающие обвиняемого, так и обстоятельства, его оправдывающие. Указанные и другие полномочия не позволяют отнести его ни к одной из сторон, его суверенность обеспечивалась не процессуальной позицией по делу, а статусом носителя судебной власти. В определенном смысле судебный следователь был арбитром в споре стороны обвинения и стороны защиты (обвиняемого, который был вправе присутствовать при допросах свидетелей, производстве других следственных действий). Такая функция судебного следователя представляется достаточно востребованной и сегодня, когда защитник обвиняемого допущен в стадию предварительного расследования и пользуется наряду со своим подзащитным широкими правами, в том числе по участию в доказывании. Именно как представитель судебной власти, учитывая доводы каждой стороны, судебный следователь принимал решение о применении мер

процессуального принуждения, в том числе о заключении под стражу.

Разумно предположить введение должности судебного следователя в российском уголовном процессе посредством выведения следователей из-под юрисдикции органов исполнительной власти и подчинив их суду. Такое новшество позволит осуществлять принцип состязательности и на стадии досудебного производства, сделав следователя независимым. Состязательность сторон осуществима только при участии не заинтересованных в разрешении спора посредников, то есть судей.

Законодатель, определив, что следователь осуществляет уголовное преследование и относится к стороне обвинения, исключив принцип всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела, обусловил необходимость критического теоретического переосмысления процессуального положения данного участника процесса.

Возрождение института судебного следователя обеспечит передачу полномочий на предварительном расследовании от органов обвинительной власти органу судебной власти, что станет свидетельством укрепления принципа состязательности на данной фазе процесса.

Через идею состязательности процесса представляется интересным изучение уголовно-процессуальной функции следователя, определение перспектив развития следственных органов с целью оптимального соотношения эффективности их деятельности и защиты прав личности в уголовном процессе.

В уголовном процессе дореволюционной России прокурор не осуществлял надзор за исполнением судебным следователем уголовно-процессуального законодательства [7, с. 15]. Письменные требования прокурора судебному следователю о производстве следственных и других процессуальных действий давались в рамках осуществления прокурором функции уголовного

преследования в целях сбора доказательств, изобличающих обвиняемого. Именно такой порядок целесообразно ввести и в современный российский уголовный процесс, вместе с тем не лишая судебного следователя права самостоятельно проводить следственные и иные процессуальные действия в целях проверки и оценки доказательств, представленных сторонами. Если же судебный следователь не согласен с требованиями прокурора по конкретному вопросу, то прокурору предлагается предоставить право обжаловать отказ судебного следователя в суд в рамках судебного контроля.

Конструктивный анализ исторического опыта реализации судебной реформы 1864 г. необходим для современного российского общества. Положительный опыт, накопленный нашим государством, полезен для реформирования судебной системы сегодня. Учитывая динамику развития органов предварительного следствия, направленного на решение проблем их материально-технического обеспечения, значительного повышения уровня социальных гарантий, реализация рассматриваемого института позволит следователю стать процессуально самостоятельным участником уголовного процесса, который будет способен обеспечить защиту конституционных прав и свобод человека и гражданина. Однако речь не идет об автоматическом копировании действовавших ранее правил и институтов, поскольку общественные, экономические и иные условия с течением времени претерпели значительные изменения, а нормы, оптимально действующие при других исторических обстоятельствах, нецелесообразно применять в современной действительности.

Деятельность судебных следователей – это не миф, но и не современная реальность. Реализация введения института судебных следователей зависит от реформирования органов предварительного следствия в соответствии с демократическими принципами уголовного процесса.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс РФ : от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ (в ред.01.01.2017) // Собр. законодательства РФ. – 2002. – № 52. – С. 4521.
2. Судебные уставы 20 ноября 1864 г. с изложением рассуждений, на коих они основаны. – СПб. 1866. – Ч. 2–3 // КонсультантПлюс [Электронный ресурс] : справочная правовая система.
3. Бородинова Т. Г. Возникновение и развитие института пересмотра приговоров в России до Судебной реформы 1864 г. / Т. Г. Бородинова // Рос. судья. – 2011. – № 2. – С. 24–28.
4. Волчкова А. А. Развитие института судебных следователей в России до судебной реформы 1864 г. / А. П. Волчкова // Рос. судья. – 2004. – № 12. – С. 37–41.
5. Галкин А. Г. К вопросу об особенностях разработки судебной реформы 1864 г. / А. Г. Галкин // Вестн. Майкоп. гос. технол. ун-та. – 2010. – № 4. – С. 48–52.
6. Горановский М. А. Судебный следователь по судебным уставам и в действительности / М. А. Горановский // Журн. гражд. и уголов. права. – 1881. – Кн. III и IV. – С. 8–9.
7. Кожевников О. А. Участие прокурора в досудебных стадиях уголовного судопроизводства / О. А. Кожевников. – М. : Волтерс Клувер, 2011.
8. Кони А. Ф. Собр. соч. – М. : Юрид. лит., 1966. – Т. 1.
9. Фойницкий И. Ф. О недостатках предварительного следствия и способах их устранения / И. Я. Фойницкий // Журн. граждан. и уголов. права. – 1882. – Кн. IX.

G. A. Kholmogorova
2nd Year Students, Baikal State University

Judicial Investigator: Real or Myth?

Abstract. The article analyzes the historical experience of the functioning of the institute of judicial investigators. The author underlines the current problems of the procedural position of the investigator, gives recommendations on improving the current criminal procedure legislation.

Keywords: procedural status of the investigator, judicial investigator, criminal prosecution, prosecution.

Категория «заведомость» в преступлениях, предусмотренных главой 18 УК РФ

© Шилкина А. А., 2017

А. А. Шилкинамагистрант 1-го курса, Юридический институт, Иркутский государственный университет
e-mail: solo1108@mail.ru**Научный руководитель:**С. В. Пархоменко, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права, Юридический институт, Иркутский государственный университет
e-mail: psvet@mail.ru

Аннотация. Анализируются многочисленные изменения в позициях законодателя и правоприменителя относительно субъективной стороны половых преступлений. Оценивается обоснованность исключения критерия «заведомость» из норм, предусматривающих ответственность за преступления против половой свободы и половой неприкосновенности личности. Автором высказываются критические замечания в части изменения позиции Пленума Верховного Суда РФ, касающейся вменения признаков возраста потерпевшего лица при совершении половых преступлений.

Ключевые слова: субъективная сторона преступления, половая свобода, половая неприкосновенность, половые преступления.

Страны, относящие себя к истинно правовым, обязаны защищать права всех лиц, находящихся на их территории. Органы государственной власти, не только проявляя осознание и стремление к соблюдению охраны прав человека, но и осуществляя конкретные меры, должны создать эффективный и действенный механизм, при котором все, кто посягает на личность, будут нести ответственность, установленную законом.

Преступления в сфере половой неприкосновенности и половой свободы личности занимают одно из центральных мест среди множества проблем современной действительности. По данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, за преступления, предусмотренные ст. 131–135 УК РФ, в 2011 г. было осуждено 7081 лицо, в 2012 г. – 6026, в 2013 г. – 5630, в 2014 г. – 6126, в 2015 г. – 7260, за первое полугодие 2016 г. – 3751. Необходимо учитывать, что уровень латентности преступлений, предусмотренных гл. 18 Уголовного кодекса Российской Федерации [1] (далее – УК РФ), крайне высок, поэтому реальное количество рассматриваемых общественно опасных деяний гораздо больше, что, безусловно, нужно учитывать при оценке статистических данных в исследовании преступлений в сфере половой неприкосновенности и половой свободы личности.

Особое беспокойство общества вызывают преступления, совершенные в отношении несовершеннолетних, поскольку они представляют значительную опасность для развития ребенка как в психическом, так и нравственном плане, часто причиняется вред физическому здоровью. Совершенные действия могут стать причиной возникновения суицидных наклонностей у потерпевших.

В данном случае одним из самых трудных этапов квалификации общественно опасных деяний по субъективной стороне является отношение субъекта преступления к возрасту потерпевшего лица. Не одно десятилетие ученые и практики осуществляют непрерывный поиск наиболее оптимальной модели вменения данного признака, но до сего дня согласия в подходе к решению настоящего вопроса не достигнуто, о чем явно свидетельствуют многочисленные изменения, вносимые в УК РФ и постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации (далее – Пленум ВС РФ).

В российском уголовном праве субъективная сторона состава преступления характеризуется тремя признаками: вина, цель и мотив. Включение заведомости в данный перечень будет немотивированным. Профессор А. И. Рарог отметил: «Заведомость – это не самостоятельный элемент психической деятельности человека. Термин «заведомость» представляет собой особый технический прием, применяемый для характеристики субъективной стороны преступления. Он означает способ указания в законе на то, что субъекту при совершении деяния было заранее известно (ведомо) о наличии тех или иных обстоятельств, имеющих существенное значение для квалификации преступления или для назначения наказания, то есть он достоверно знал об этих обстоятельствах» [9, с. 68].

С момента введения в действие современного УК РФ позиции высших законодательных и судебных органов менялись с завидной регулярностью.

Изначально во всех статьях гл. 18 УК РФ, где был прописан возраст потерпевшего лица (а именно в ст. 131, 132, 134 и 135 УК РФ), присутствовало указание на заведомость. В тот момент

действовало Постановление Пленума ВС РФ от 22 апреля 1992 г. № 11 «О судебной практике по делам об изнасиловании» в редакции от 21 декабря 1993 г., которое в п. 10 содержало следующее разъяснение: «квалификация ... возможна лишь в случаях, когда виновный *знал* или *допускал*, что совершает насильственный половой акт с несовершеннолетней или малолетней. При этом необходимо учитывать не только показания самого подсудимого, но и тщательно проверять их соответствие другим обстоятельствам дела» [14]. Здесь обозначены возможные интеллектуальные границы от «знал» до «допускал», то есть от прямого до косвенного умысла, от достоверных знаний о возрасте потерпевшего лица, например в силу прежнего знакомства, до предположений и факта неисключения малолетства или несовершеннолетия. «Использование термина «допущение» в смысле интеллектуального признака очень неудачно, и не только потому, что толкующий орган вольно использует законодательную терминологию, характеризующую волевой момент косвенного умысла, но прежде всего потому, что допущение, как интеллектуальный признак, очень близко приближается к размытой формулировке – могло и должно предвидеть. Допущение не может очертить границы умысла, использование такого интеллектуального признака ставит правоприменителя в очень сложное положение, ему нужно будет устанавливать различные оттенки осознания возраста потерпевшего лица» [5, с. 183].

В 2004 г. Пленум ВС РФ занял более однозначную позицию и при вынесении постановления от 15 июня 2004 г. № 11 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 131 и 132 Уголовного кодекса Российской Федерации» зафиксировал, что виновный должен был *достоверно знать* о возрасте потерпевшего лица или же его внешний облик явно свидетельствовал, например, о его возрасте. «Добросовестное заблуждение, возникшее на основании того, что возраст потерпевшего лица приближается к совершеннолетию или в силу акселерации оно выглядит взрослее своего возраста, исключает вменение виновному лицу данного квалифицирующего признака» [13]. Именно данная трактовка на тот период времени законодательно закрепленного признака «заведомо не достигшего [определенного] возраста» является, на наш взгляд, наиболее терминологически точным и удачным с точки зрения модели вменения этого признака в составах преступлений, предусмотренных гл. 18 УК РФ.

Следующей важной вехой стал Федеральный закон от 27 июля 2009 г. № 215-ФЗ [3], которым были внесены противоречивые изменения в УК РФ. Из диспозиций ст. 131 и 132 УК РФ было исключено слово «заведомо» как по отношению к малолетним потерпевшим, так и по отношению

к несовершеннолетним. Однако в ст. 134 и 135 УК РФ установленный признак не стали упразднять, более того, законодатель дифференцировал уголовную ответственность в зависимости от возрастной характеристики потерпевшего лица (12, 14 и 16 лет) и в каждой новой части вышеперечисленных статей ввел признак заведомого знания субъектом преступления о возрасте детей и подростков. Неоднозначную оценку вызвало данное решение парламента. Указанный признак был исключен из ст. 134 и 135 УК РФ лишь спустя три года Федеральным законом от 29 февраля 2012 г. № 14-ФЗ [2].

Свою позицию по этому вопросу Верховный Суд РФ выразил в Определении от 31 января 2011 г. № 3-О11-2, где было указано, что «исключение из прежней редакции указания о «заведомости» совершения изнасилования потерпевшей, не достигшей четырнадцати лет, не освобождает органы следствия от обязанности доказывания наличия у виновного лица умысла на совершение инкриминируемых ему действий» [12].

С. В. Дубовиченко считает: «Такая позиция полностью согласуется с принципом субъективного вменения, при этом не имеет никакого значения, закреплена ли «заведомость» в тексте закона или нет. Вменению могут подлежать лишь те обстоятельства содеянного, которые охватываются виной. Изнасилование – это умышленное преступление, поэтому его конструктивные и квалифицированные признаки должны охватываться умыслом (неосторожность может быть к квалифицированным общественно опасным последствиям)» [5, с. 180]. А. П. Дьяченко также поддерживает решение законодателя: «Признак «заведомости» отсутствует в уголовном законодательстве зарубежных стран и обоснованно исключен из УК РФ. Представляется, что возврат этого признака в национальное уголовное законодательство будет наихудшим законодательным решением, поскольку он существенно нарушает права и свободы потерпевших на защиту, а также позволяет виновному избежать более строгой ответственности и наказания за содеянное» [6, с. 97].

Сохранил свое мнение по данному вопросу Пленум ВС РФ и через два года в Постановлении от 14 июня 2013 г. № 18. Внося изменение в свое Постановление от 15 июня 2004 г. № 11 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 131 и 132 Уголовного кодекса Российской Федерации», он указал: «...квалификация преступлений возможна лишь в случаях, когда виновное лицо *знало* или *допускало*, что потерпевшим является лицо, не достигшее соответственно восемнадцати либо четырнадцати лет» [11]. Таким образом, мы вернулись к правилам, сформулированным Пленумом ВС РФ в 1992 г.

Е. А. Пащенко высказалась по этому поводу весьма уместно: «Критически оценивая исключение признака «заведомости» применительно к возрасту 14- и 18-летия в составах ст. 131 и 132 УК РФ, законодатель не признал поспешности своих решений и исправил ситуацию разъяснением высшей судебной инстанции, вновь вводя необходимость субъективной оценки возраста потерпевшего» [7, с. 46].

В. Б. Поезжалов и А. Е. Линкевич выразили иное мнение: «Установление фактического возраста потерпевшей должно было стать объективным мерилем ответственности насильника, исключаяющим его субъективное представление о данном свойстве жертвы. Следовательно, законодатель поставил задачу возвести в ранг закона объективное вменение рассматриваемых квалифицирующих обстоятельств изнасилования. Между тем Пленум ВС РФ проигнорировал данный факт. Получается, что законодатель вносит изменения в закон, а правоприменитель игнорирует его позицию, давая ограничительное толкование вполне однозначно требующего буквального понимания признака уголовно-правовой нормы» [8, с. 23].

В ныне действующем Постановлении Пленума ВС РФ от 4 декабря 2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» [10] сохранена прежняя позиция, согласно которой лицо *знало или допускало* определенный возраст потерпевшего лица.

Представляется спорным, что даже в одном и том же постановлении Пленум ВС РФ избирает разный подход при разъяснении признаков субъективной стороны [4, с. 734]. Так, по отношению к беспомощному состоянию субъект преступления должен безусловно знать, что потерпевшее лицо находится в таком состоянии, например, из-за определенной степени опьянения, а по отношению к возрасту он может только допускать, догадываться, но точно не знать. Складывается весьма спорная ситуация: в первом случае при допущении такого состояния состав преступления будет отсутствовать, если не будет насилия или угрозы его применения, а во втором – так же при допущении будет иметь место квалифицированный состав преступления. «Пределы интеллектуального содержания умысла следует определять не сомнением в наличии или отсутствии сознания, а использованием пра-

вил о фактической ошибке: лицо либо осознает, либо добросовестно заблуждается относительно возраста, равно как и других признаков потерпевшего» [5, с. 184].

Анализируя многочисленные изменения, внесенные в главу «Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности» за период действия современного УК РФ, можно прийти к выводу об отсутствии последовательности позиции законодателя и Пленума ВС РФ. Последний то давал ограничительное толкование признаку «заведомость» относительно половых преступлений, то вновь прибегал к расширительному толкованию, иногда выходя за рамки буквального.

Стоит согласиться с мнением Е. А. Пащенко: «Нестабильность практики применения уголовного закона постепенно становится основной характерной чертой современной правоприменительной деятельности, и предпосылок к ее упорядочению пока нет. Во многом возникновение такого ее состояния обусловлено не только непоследовательностью вмешательства в сферу уголовно-правового регулирования, но и его полной неадекватностью реальной действительности, криминогенной обстановке и тенденциям развития преступности в современном обществе. Все это оказывает самое непосредственное влияние на дестабилизацию правоприменительной деятельности и способствует дальнейшему подрыву авторитета уголовного закона» [7, с. 46].

В целях устранения названных недостатков предлагаем вернуть исключенный признак заведомости в диспозиции статей гл. 18 УК РФ, поскольку на практике этот признак все равно приходится доказывать в связи с разъяснениями Пленума ВС РФ. Однако целесообразно трактовать указанный термин не как знание или допущения, а исключительно как достоверную осведомленность относительно возрастных характеристик потерпевшего лица, что нужно закрепить в примечании к статье, чтобы Пленум ВС РФ не смог вновь поменять суть новеллы. А также восстановить положения о добросовестном заблуждении, в связи с чем необходимо будет внести соответствующие изменения в Постановление Пленума ВС РФ от 4 декабря 2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности».

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации : от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собр. законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
2. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях усиления ответственности за преступления сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних : федер. закон от 29 фев. 2012 г. № 14-ФЗ // Собр. законодательства РФ. – 2012. – № 10. – Ст. 1162.
3. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 27 июля 2009 г. № 215-ФЗ // Собр. законодательства РФ. – 2009. – № 31. – Ст. 3921.

4. Гармышев Я. В. К вопросу о квалификации некоторых оценочных понятий в уголовном праве России / Я. В. Гармышев, И. М. Егеров, С. В. Пархоменко // Всерос. криминол. журн. – 2016. – Т. 10, № 4. – С. 732–739.
5. Дубовиченко С. В. Спорные вопросы субъективной стороны преступления в новом Постановлении Пленума Верховного Суда РФ «о судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» / С. В. Дубовиченко // Вестн. ВУиТ. – 2015. – № 2. – С. 178–185.
6. Дьяченко А. П. Отзыв официального оппонента на диссертацию А. М. Мартиросьяна «Насильственные половые преступления в отношении несовершеннолетних (уголовно-правовой и криминологический аспекты)», представленную на соискание ученой степени кандидата юридических наук (по специальности – 12.00.08) / А. П. Дьяченко // Северо-Кавказ. юрид. вестн. – 2010. – № 2. – С. 95–97.
7. Пащенко Е. А. Уголовная политика в отношении преступлений против половой неприкосновенности: правотворчество и правоприменение / Е. А. Пащенко // Северо-Кавказ. юрид. вестн. – 2014. – № 2. – С. 44–48.
8. Поезжалов В. Б. Разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации: спорные вопросы судебного толкования / В. Б. Поезжалов, А. Е. Линкевич // Евраз. адвокатура. – 2016. – № 5. – С. 21–24.
9. Рарог А. И. Проблемы квалификации преступлений по субъективным признакам: монография / А. И. Рарог. – М.: Проспект, 2015. – 231 с.
10. О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 4 дек. 2014 г. № 16 // Рос. газ. – 2014. – 12 дек.
11. О внесении изменения в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2004 г. № 11 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 131 и 132 Уголовного кодекса РФ»: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14 июня 2013 г. № 18 // Рос. газ. – 2013. – 21 июня.
12. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 31 янв. 2011 г. № 3-О11-2 // Бюл. Верховного Суда РФ. – 2011. – № 8.
13. О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 131 и 132 Уголовного кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2004 г. № 11 // Рос. газ. – 2004. – 29 июня.
14. О судебной практике по делам об изнасиловании: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 апр. 1992 г. № 11 // Бюл. Верховного Суда РФ. – 1992. – № 7.

A. A. Shilkina

Undergraduate, 1st Year of Study, Law Institute, Irkutsk State University

The Category of «Wittingly» in Crimes of Chapter 18 of the Criminal Code of the Russian Federation

Abstract. The article analyzes numerous changes in the positions of the legislator and enforcer in relation to the subjective side of sexual crimes. Assesses the reasonableness of the exclusion of the «wittingly» criterion of criminal law norms, crimes involving responsibility against sexual freedom and sexual integrity of the person. The author expresses criticism in terms of changes in the position of the Plenum of the Supreme court of the Russian Federation concerning the imputation of the age of the victim in commission of sexual crimes.

Keywords: mental element of crime, sexual freedom, sexual integrity, sex crimes.
